

Дети солнца. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Дети солнца. Максим Горький

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Павел Федорович Протасов.

Лиза, его сестра.

Елена Николаевна, его жена.

Дмитрий Сергеевич Вагин.

Борис Николаевич Чепурной.

Мелания, его сестра.

Назар Авдеевич.

Миша, его сын.

Егор, слесарь.

Авдотья, его жена.

Яков Трошин.

Антоновна, нянька.

Фима, горничная.

Луша, горничная.

Роман.

Доктор.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Старый барский дом. Большая, полутемная комната; в ее левой стене окно и дверь, выходящие на террасу; в углу – лестница вверх, где живет Лиза; в глубине комнаты арка, за ней столовая; в правом углу – двери к Елене. Книжные шкафы, тяжелая, старинная мебель, на столах – дорогие издания, на стенах – портреты ученых натуралистов. На шкафе белеет чей-то бюст. У окна налево – большой круглый стол; перед ним сидит Протасов, перелистывает какую-то брошюру и смотрит, как на спиртовой лампочке греется колба с какой-то жидкостью. На террасе под окном возится Роман и глухо, уныло поет песню. Это пение беспокоит Протасова.

Протасов. Послушайте, дворник!

Роман (в окне). Чего?

Протасов. Вы бы ушли... а?

Роман. Куда?

Протасов. Вообще... вы мне несколько мешаете...

Роман. А хозяин велел... почини, говорит...

Антоновна (входит из столовой). Ишь, пачкун... сюда пришел...

Протасов. Молчи, старуха...

Дети солнца. Максим Горький gorki۷maxim.ru

Антоновна. Мало тебе места в своих-то комнатах...

Протасов. Ты, пожалуйста, туда не ходи... я там надымил...

Антоновна. А теперь здесь напустишь угару... Дай хоть дверь отворю...

Протасов (торопливо). Не надо, не надо! Ах ты... старуха!.. Ведь я тебя не прошу... Ты вот уговори дворника, чтоб он ушел... а то он мычит...

Антоновна (в окно). Ну, ты чего тут возишься? Уходи!

Роман. А как же... хозяин велел...

Антоновна. Иди, иди! После уделаешь...

Роман. Ну, ладно... (С грохотом уходит.)

Антоновна (ворчливо). Задохнешься ты когда-нибудь... Вон, говорят, холера идет. Генеральский сын тоже... а занимается неизвестно чем, только одни неприятные запахи пускаешь...

Протасов. Подожди, старуха... я тоже буду генералом...

Антоновна. По миру ходить будешь ты. Дом-то вот спалил на свою химию с физией.

Протасов. Физикой, старуха, а не физией... И, пожалуйста, оставь меня в покое...

Антоновна. Там этот пришел... Егорка...

Протасов. Позови его сюда...

Антоновна. Пашенька! Скажи ты ему, злодею, что же он делает? На-ка, вчера опять жену смертным боем бил.

Протасов. Хорошо... я скажу...

(По лестнице неслышно сходит Лиза, - останавливается перед шкафом, тихо открывает его.)

Антоновна. Да ты - пригрози... Я, мол, тебе дам!

Протасов. Уж я его напугаю! Не беспокойся, старуха, иди...

Антоновна. Надо - строго. А то ты со всеми людьми точно с господами разговариваешь...

Протасов. Ну, - будет, старуха! Елена - дома?

Антоновна. Нет еще. Как ушла после завтрака к Вагину, так и нет с той поры... Смотри - прозеваешь жену-то...

Протасов. Старуха, не говори глупостей! Я рассержусь.

Лиза. Няня! Ты мешаешь Павлу заниматься...

Протасов. Ага... ты здесь? Ну, что?

Лиза. Ничего...

Антоновна. Тебе, Лизонька, пора молоко пить.

Лиза. Я знаю:

Антоновна. А про Елену Николаевну я все-таки скажу: я бы на ее месте нарочно роман составила с кем-нибудь... Никакого внимания женщине нет... Видно, кашку слопал, чашку о пол... И детей нет... какое же удовольствие женщине? Ну, она и...

Протасов. Старуха! Я начинаю сердиться... уходи! Экая... смола!

Антоновна. Ну-ну... лютый! Не забудь про Егорку-то... (Идет.) Молоко в столовой стоит, Лизонька... А капли – пила?

Лиза. Да, да!

Антоновна. То-то... (Уходит в столовую.)

Протасов (оглянувшись). Удивительная старуха! Бессмертна, как глупость... и так же назойлива... Как здоровье, Лиза?

Лиза. Хорошо.

Протасов. Это чудесно! (Напевает.) Это чудесно... это чудесно...

Лиза. А нянька права, знаешь?

Протасов. Сомневаюсь. Старики редко бывают правы... Правда всегда с новорожденным. Лиза, посмотри, здесь у меня простые дрожжи.

Лиза. Нянька – права, когда говорит, что ты мало обращаешь внимания на Елену...

Протасов (с огорчением, но мягко). Как вы мне мешаете, – ты и нянька! Разве Лена – немая? Ведь она сама могла бы сказать мне... если б я что-нибудь... как-нибудь не так, как нужно, и... вообще там... А она молчит! В чем же дело?

(Из столовой выходит Егор, немного выпивший.) Ага – вот Егор! Здравствуйте, Егор!

Егор. Доброго здоровья.

Протасов. Видите ли, в чем дело, Егор: нужно устроить маленькую жаровню... с крышкой... такая конусообразная крышка, а в вершине ее круглое отверстие, выходящее трубой... понимаете?

Егор. Понимаю. Можно.

Протасов. У меня есть рисунок... где он? Идите сюда...

(Ведет Егора в столовую. В дверь с террасы стучит Чепурной,

Лиза отворяет ему.)

Чепурной. Эге, дома? Добрый день!

Лиза. Здравствуйте...

Чепурной (поводит носом). И коллега дома, как слышно по запаху...

Лиза. Откуда вы?

Чепурной. А с практики. Собачке жены управляющего казенной палатой горничная хвостик дверью отдала, – так я тот собачий хвост лечил, и дали мне за это три карбованца, – вот они! Хотел купить вам конфет, да подумал: пожалуй, неловко угощать вас на собачьи деньги, и – не купил.

Лиза. И хорошо сделали... садитесь...

Чепурной. Однако же от этого варева запах – сомнительной приятности. Коллега, уже кипит!

Протасов (выбегая). Не надо, чтобы кипело! Ну, что это?! Что же вы не сказали, господа?

Чепурной. Да я же сказал, что кипит оно...

Дети солнца. Максим Горький gorikiy.ucoz.ru
Протасов (огорченно). Но – поймите: мне совсем не нуж- но, чтобы кипело!

(Егор выходит.)

Лиза. Кто же это знал, Павел?..

Протасов (ворчит). Мм... черт!.. Теперь снова надо...

Егор. Павел Федорович, дайте рублевку...

Протасов. Рублевку? Ага... сейчас! (Ищет во всех карманах.) Лиза, у тебя нет?

Лиза. Нет. У няни есть...

Чепурной. И у меня тоже... вот три!

Протасов. Три? Дайте, пожалуйста... Вот,

Егор, три, – все равно?

Егор. Хорошо... сосчитаемся... Спасибо! Прощайте...

Лиза. Павел, няня просила тебя сказать ему... ты забыл?

Протасов. Что – сказать? Ах... да! Гм... да! Егор, вы... присядьте, пожалуйста! Вот... Может быть, ты сама скажешь, Лиза?.. (Лиза отрицательно качает головой.) Видите ли, Егор... мне надо вам сказать... то есть это нянька просила... дело в том, что вы... будто бы бьете вашу жену? Вы извините, Егор...

Егор (встает со стула). Бью...

Протасов. Да? Но, знаете, это ведь нехорошо... уверяю вас!

Егор (угрюмо). Чего хорошего...

Протасов. Вы понимаете? Так зачем же вы деретесь? Это зверство, Егор... это надо оставить вам... Вы – человек, вы разумное существо, вы самое яркое, самое прекрасное явление на земле...

Егор (усмехаясь). Я?

Протасов. Ну да!

Егор. Барин! А вы бы спросили сначала, за что я ее бью?

Протасов. Но – поймите: бить нельзя! Человек человека не должен, не может бить... это же так ясно, Егор!

Егор (с усмешкой). А меня били... и очень даже много... Если же про жену сказать... может, она не человек, а – черт...

Протасов. Какой вздор! Что такое черт?

Егор (решительно). Прощайте! А бить я ее буду... покуда она передо мной не станет как трава перед ветром, буду я ее бить! (Идет в столовую.)

Протасов. Послушайте, Егор! Вы же сами сказали... ушел! И, кажется, обиделся... Как глупо вышло... Эта нянька всегда... что-нибудь устроит... нелепое! (С досадой уходит за портьеру.)

Чепурной. Очень убедительно говорил коллега!

Лиза. Милый Павел... он всегда смешной!

Чепурной. Я бы, знаете, того Егора за чуб да палкой!

Лиза. Борис Николаевич!

Дети солнца. Максим Горький gorkiytext.ru

Чепурной. А что? Ну, простите, коли грубо. Но он рассуждает правильно: его били, значит, он может бить! Я продолжаю: следует его еще бить...

Лиза. Прошу вас... зачем вы так говорите, зачем?

Чепурной. Да на этой же логике построены все карательные законы!

Лиза. Вы знаете, как я не люблю, как боюсь всего грубого... и всегда вы, как будто нарочно, дразните меня! Подождите... Этот слесарь... он вызывает у меня чувство страха. Он такой... темный... и эти огромные обиженные глаза... Мне кажется, я их уже видела... тогда, там, в толпе...

Чепурной. Э, да не вспоминайте! Ну его...

Лиза. Разве можно забыть об этом?

Чепурной. Что толку?

Лиза. Там, где была пролита кровь, никогда не вырастут цветы...

Чепурной. Да еще как растут!

Лиза (встает и ходит). Там растет только ненависть... Когда я слышу что-нибудь грубое, резкое, когда я вижу красное, в моей душе воскресает тоскливый ужас, и тотчас же перед глазами встает эта озверевшая, черная толпа, окровавленные лица, лужи теплой красной крови на песке...

Чепурной. Ну, снова вы договоритесь до припадка...

Лиза. И у ног моих – юноша с разбитой головой... он ползет куда-то, по щеке и шее у него льется кровь, он поднимает голову к небу... я вижу его мутные глаза, открытый рот и зубы, окрашенные кровью... голова его падает лицом в песок... лицом...

Чепурной (подходит к ней). Э, боже мой! Ну, что мне делать с вами?

Лиза. Неужели вас не ужасает это?

Чепурной. А... пойдете в сад!

Лиза. Нет, скажите, скажите мне: понятен вам мой ужас?

Чепурной. А как же? Я понимаю... чувствую!

Лиза. Нет... это неправда! Если бы вы понимали, мне было бы легче... Я хочу сбросить с души моей долю тяжести, и – нет другой души, которая приняла бы ее... нет!

Чепурной. Мамочка моя! А ну – бросьте это! И пойдете в сад... вон какой запах здесь! Как будто резиновую галошу в постном масле жарили...

Лиза. Да... запах... у меня кружится голова...

Антоновна (из столовой). Лизонька! Уж капли надо принять, а ты еще молоко не выпила!

Лиза (идет в столовую). Сейчас...

Чепурной. Как живете, Антоновна?

Антоновна (прибирает на столе). Ничего... не жалуюсь...

Чепурной. Добре! Здоровеньки?

Антоновна. Слава богу...

Чепурной. Жаль. А то я бы полечил.

Антоновна. Вы уж собачек лучше... Я не собачка...

(Лиза входит.)

Чепурной. А мне хорошего человека полечить хочется...

Лиза. Идемте...

(Идут через дверь на террасу. Протасов с колбой в руках.)

Протасов. Нянька, давай мне кипятку!

Антоновна. Нет кипятку...

Протасов. Ну, пожалуйста, нянька!

Антоновна. Погоди, самовар вскипит... Сказал Егорке-то?

Протасов. Сказал, сказал...

Антоновна. Строго?

Протасов. Очень! Так он, знаешь, весь и затрясся со страха! Я, говорю, тебя, милый, к этому... как его?

Антоновна. Полицеймейстеру?

Протасов. Нет... ну, все равно! Да, к судье... к мировому судье...

Антоновна. Лучше бы полицеймейстером его пугнуть... Ну, что же он?

Протасов. А он... он, знаешь, сказал мне: дурак вы, барин!

Антоновна (негодую). Да что ты?

Протасов. Да. Именно. Дурак, говорит, вы... не в свое дело нос суете...

Антоновна. Так и сказал? Неужто, Пашенька?

Протасов (смеясь). Нет, нет, старуха! Это не он, это я сам себе сказал... Он подумал, а я сказал...

Антоновна. Э, ну тебя... (Хочет уйти, обиженная.)

Протасов. Ты принеси мне кипятку сама... а то франтиха Фима всегда задевает за что-нибудь подолом или рукавами...

Антоновна. Она, Фима-то ваша, кажись, с хозяйским сыном шашни завела... вот что!

Протасов. А тебе завидно?

Антоновна. Тфу! Чай, ты ей - хозяин... ты должен ей сказать, что это нехорошо для девушки!

Протасов. Ну, старуха, оставь! Право, потвоему, я должен целый день и говорить всем, что хорошо и что нехорошо: пойми, это не мое дело!

Антоновна. А зачем ты учился? Для чего?

(Мелания - в дверях с террасы.)

Протасов. Ну, иди же! Вот - Мелания Николаевна! Здравствуйте!

Мелания. Здравствуйте, Павел Федорович!

Антоновна. Кто же это дверь не запер? (Запирает.)

Мелания. Какое у вас довольное лицо!

Протасов. Я рад, что вы пришли... а то меня нянька загрызла. И потом мне сегодня удалась одна интересная работа...

Мелания. Да? Как это радует меня! Мне так хочется, чтоб вы прославились...

Антоновна (ворчит, уходя). В городе уж все говорят... Прославился...

Мелания. Я так верю, что вы будете чем-нибудь вроде Пастера...

Протасов. Мм... это – неважно... Но надо говорить – Пастер... Это у вас – моя книга? Прочитали? Не правда ли, – ведь это интереснее, чем роман, да?

Мелания. О, да! Только вот эти знаки...

Протасов. Формулы?

Мелания. Не понимаю я формулов!

Протасов. Это надо немножко заучить... Теперь я дам для вас физиологию растений... Но, прежде всего и внимательнее всего изучайте химию, химию! Это изумительная наука, знаете! Она еще мало развита, сравнительно с другими, но уже и теперь она представляется мне каким-то всевидящим оком. Ее зоркий, смелый взгляд проникает и в огненную массу солнца, и во тьму земной коры, в невидимые частицы вашего сердца (Мелания вздыхает), в тайны строения камня и в безмолвную жизнь дерева. Она смотрит всюду и, везде открывая гармонию, упорно ищет начало жизни... И она найдет его, она найдет! Изучив тайны строения материи, она сведает в стеклянной колбе живое вещество...

Мелания (в восторге). Господи! Почему вы не читаете лекций?

Протасов (смущенно). Н-ну, зачем же это?

Мелания. Вам необходимо читать! Вы так очаровательно говорите... когда я слушаю вас, мне хочется поцеловать вам руку...

Протасов (рассматривая руки). Не советую... у меня руки редко бывают чистые... знаете, возишься со всякой всячиной...

Мелания (искренно). Как бы я хотела сделать что-нибудь для вас, если бы вы знали! Я так восхищаюсь вами... вы такой неземной, такой возвышенный... Скажите, что вам нужно? Требуйте всего, всего!

Протасов. А... ведь вы можете...

Мелания. Что? Что я могу?

Протасов. У вас есть куры?

Мелания. Куры? Какие куры?

Протасов. Домашние птицы... вы же знаете! Семейство куриных... петухи, куры...

Мелания. Знаю... Есть... А – зачем вам?

Протасов. Голубушка! Если бы вы давали мне каждый день свежих яиц... самых свежих, только что снесенных, еще теплых яиц! Видите ли, мне очень много нужно белка, а няня – она скупая, она не понимает, что такое белок... она дает несвежие яйца... и всегда нужно много говорить... лицо у нее кислое...

Мелания. Павел Федорович! Какой вы жестокий!

Протасов. Я? Почему?

Мелания. Хорошо... я буду присылать вам каждое утро десяток...

Протасов. Чудесно! Это меня превосходно устраивает! И я очень, очень благодарю вас! Вы милая... право!

Мелания. А вы ребенок... жестокий ребенок! И ничего вы не понимаете!

Протасов (удивлен). Действительно, я плохо понимаю, почему – жестокий?

Мелания. Потом, когда-нибудь поймете. Елены Николаевны нет дома?

Протасов. Она у Вагина на сеансе...

Мелания. Он вам нравится?

Протасов. Вагин? О, да! Ведь мы с ним давние товарищи... вместе учились в гимназии, потом – в университете... (Смотрит на часы.) Он тоже естественник, но со второго курса ушел в академию.

Мелания. Он и Елене Николаевне, кажется, очень нравится...

Протасов. Да, очень. Он славный парень, несколько односторонен...

Мелания. А вы не боитесь...

(Чепурной стучит в дверь с террасы.)

Протасов (открывая). Чего бояться? Это нянька закрыла...

Мелания. Ах, ты здесь?

Чепурной. А ты уже здесь? Где у вас вода? Елизавета Федоровна просит...

Протасов. Ей нехорошо?

Чепурной. Нет, ничего... капли принять...

(Идет в столовую.)

Протасов. Мелания Николаевна, я на минутку оставлю вас... надо взглянуть...

Мелания. Идите, идите! И возвращайтесь скорее...

Протасов. Да, да! Вы бы в сад пошли, а?

Мелания. Хорошо...

Протасов. Там Лиза... Нянька! Что же – воду мне? (Уходит.)

Чепурной (выходит). Ну что, Маланья? Как дела?

Мелания (быстро и негромко). Ты не знаешь, что такое гидатопироморфизм?

Чепурной. Чего?

Мелания. Гидато-пиро-морфизм?

Чепурной. Бес его знает! А может быть, водяной фейерверк...

Мелания. Врешь?

Чепурной. Да уж так оно. Пиро – значит пиротехника, а метаморфоза фокус. Что ж он, задачи тебе задает?

Мелания. Не твое дело. Иди себе.

Чепурной. А когда ты его у жены отобьешь, то мыльный завод построй: химику не надо будет жалованья платить... (Идет в сад.)

Мелания. Какой ты грубый, Борис! (Встает, осматривается, входит Фима.)

Фима. Елизавета Федоровна просят вас в сад...

Мелания. Хорошо... (Антоновна несет кастрюлю горячей воды. Фима в столовой гремит посудой.) Что это вы несете, няня?

Антоновна. Кипяток Пашеньке...

Мелания. Ах, это для опытов...

Антоновна. Да, всё для них... (Уходит.)

Мелания (заглядывая в столовую). Фима!

Фима (в дверях). Что?

Мелания. Барыня каждый день ходит к художнику?

Фима. В дождь или когда пасмурно не ходят. Тогда господин Вагин сами здесь бывают...

Мелания (подходит ближе к ней). Ты, фимка, умная?

Фима. Неглупая-с...

Мелания. Ну, ежели что заметишь за ними, мне скажи, поняла?

Фима. Поняла...

Мелания. И – молчи. На. В долгу не останусь.

Фима. Благодарю покорно... Он ей руки целует...

Мелания. Ну, это немного. Так смотри же!

Фима. Хорошо-с... Я понимаю...

Мелания. Иду в сад... Выйдет Павел Федорович, позови меня... (Уходит.)

Фима. Слушаю...

(Антоновна идет.)

Антоновна. Что гремишь чашками-то, как железными? Перебьешь...

Фима. Что я, не умею, что ли, с посудой обращаться?

Антоновна. Ну, ну, не козыряй! Про что тебя купчиха спрашивала?

Фима (идя в столовую). Про Лизавету Федоровну, насчет здоровья...

Антоновна (за ней). Чай, сама бы пошла да поглядела, чем прислугу выпрашивать...

(Входит Назар Авдеев с террасы, снимает картуз, осматривает комнату, вздыхая, щупает пальцем обои. Кашляет.)

Фима (в столовой). Она и пошла. А прислуга – тоже человек. И вы ведь прислуга...

Антоновна. Я знаю, кто я. А только природные господа с прислугой не разговаривают... они отдадут приказание – и всё... да! А теперь все нороят в баре, а повадки – как у твари... Кто это? (Выходит.)

Назар. Это мы. Доброго здоровьица, нянюшка!

Антоновна. Вы что?

Назар. Мне бы Павла Федоровича... Разговор к нему имею...

Антоновна. Ну... сейчас позову... (Идет.)

Фима (выглядывает). Здравсте, Назар Авдеевич!

Назар. Почет и уважение! Эх вы... махровая! Обманщица!

Фима. Пожалуйста! Руками трогать не дозволяется...

Назар. Так и не окажете внимания вдовцу? Вечерком чайку бы попить...

Фима. Тсс...

(Выходит Протасов, – сзади Антоновна.)

Протасов. Вы – ко мне?

Назар. Именно-с!

Протасов. Что такое?

Назар. За квартирку бы...

Протасов (немного раздражен). Послушайте: когда я продал вам этот дом, я деньги ждал за вами целые два года... а вы... когда нужно платить?

Назар. Вчера бы следовало...

Протасов. Ну, вот! Ведь это – неделикатно... Я занят, а вы приходите... и прочее...

Назар. Да я, собственно, не за этим... Я про деньги между прочим... чтобы самому себе напомнить...

Протасов. Вы напоминайте вот няньке или жене... Деньги есть, но – черт их знает, где они! Где-то в ящике... Жена пришлет вам... вот нянька принесет... до свидания!

(Антоновна уходит в столовую.)

Назар. Дозвольте задержать вас!

Протасов. Что такое? Зачем?

Назар. Насчет вашей землицы и дачки...

Протасов. Ну?

Назар. Вам бы продать ее...

Протасов. Какой же дурак ее купит? Она никуда не годится... песок, ели...

Назар (вдохновенно). Это вы справедливо! Земля – совершенно негодная...

Протасов. Вот видите!

Назар. И, кроме меня, никто ее не купит...

Протасов. А вам зачем?

Назар. Под одно-с! Как я уже купил у соседа вашего... то и у вас бы надо...

Протасов. Ну, прекрасно, покупайте! Вы что же, всё богатеете, что ли?

Назар. То есть, как сказать? Расширяюсь...

Протасов. Смешной вы! Ну, зачем вам песок?

Назар. А видите-с... сын мой кончил коммерческое училище и вышел очень образованный человек. Насчет промышленности очень он сообразителен... вот и я

Дети солнца. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
возымел охоту к расширению русской промышленности... для чего думаю заводик
поставить, чтобы пивные бутылки выдувать...

(Фима в дверях из столовой, слушает.)

Протасов (хохочет). Нет, вы чудак! А ссудную кассу закроете?

Назар. Зачем же? Ссудная касса – это для души... это предприятие
благотворительное... действующее на помощь ближнему...

Протасов (смеясь). Да? Ну, хорошо... покупайте мою землю... покупайте... до
свидания! (Смеясь, уходит.)

Назар. Позвольте-с! Мм... Ефимья Ивановна, что же это он ушел? Ведь для того,
чтобы куплюпродажу совершить, двоих надо, а он ушел!

Фима (пожимая плечами). Известно – блажной...

Назар. Мм... неосновательно! Стало быть – до свидания! (Уходит.)

Роман (сзади Фимы). Где печка дымит?

Фима. Ох, чтоб тебе лопнуть! Что ты?

Роман. Чего боишься? Печка, слышь, дымит?

Миша (вбегая из столовой). Да не здесь, буйвол! В кухне!

Роман. Ну... а я думал – здесь... (Идет.)

Миша (быстро). Ну, Фимка, как же? Квартира и пятнадцать рублей в месяц – идет?

Фима. Подите вы прочь, охальник! Что это – точно лошадь покупаете!

Миша. Ну, нечего там! Я человек деловой. Ты подумай, за кого ты можешь замуж
выйти? За мастерового, а он тебя бить будет, вон как наш слесарь жену свою... А
я тебя устрою скромно, но чистенько, сытно, и вообще – займусь твоим
образованием...

Фима. Ну вас тут... Я девушка честная... к тому же мне мясник Храпов сто рублей
в месяц предлагает...

Миша. Старик ведь, дура! Ты сообрази...

Фима. Я и не согласна с ним...

Миша. Ну, вот видишь, дурочка моя! Я же тебе...

Фима. Давайте семьдесят пять...

Миша. Что-о? Семьдесят пять?

Фима. И чтоб на все деньги, сколько следует за год, вексель мне...

Миша (изумлен). Однако-с вы...

Фима. Да-с... (Красноречиво смотрят друг на друга. С террасы входит Егор,
порядочно выпивший.) Тише... Ваш папаша ушли...

Миша. Ушел? Извините... (Уходит.)

Фима. Ты куда это лезешь? Через кухню не мог? Хозяин дома через кухню ходит, а
ты...

Егор. Молчи... Зови мне барина...

Фима. Да еще и пьяный! Как же барин говорить с тобой будет?

Егор. Не твое дело! Зови! Я сам буду говорить... Иди!

Фима (убегает в столовую). Няня! Нянька!

Протасов (выходит из-за портьера). Что вы кричите, Фима? Ах, это вы, Егор... Что вам? Я занят... пожалуйста скорее.

Егор. Погодите... Я несколько выпил... трезвый я говорить не умею...

Протасов. Ну, хорошо... в чем дело?

(Антоновна из столовой, за нею Фима.)

Егор. Давеча ты при людях обидел меня... начал говорить насчет жены... ты кто такой, чтобы обижать?

Протасов. Вот видишь, старуха? Ага! Егор, я не хотел обижать вас...

Егор. Нет, погоди! Я с малых лет в обиде живу...

Протасов. Ну да, Егор... я понимаю...

Егор. Стой! Меня никто не любит и никто меня не понимает... И жена не любит... А я хочу, чтобы меня любили, дьявол вас...

Протасов. Не надо кричать...

Антоновна. Ах, пьяная рожа, а?

Егор. Человек я или нет? Почему меня все обижают?

Антоновна. Батюшки, да что же это? (Бежит в столовую. На дворе слышен ее крик.)

Протасов. Вы успокойтесь, Егор... Видите ли, это нянька сказала мне...

Егор. Няньку надо прочь... у тебя уж борода выросла... бородатому нянька - не указ. Ты слушай: я тебя уважаю... я ведь вижу: ты человек особенный... это я чувствую... Ну, тем обиднее мне, что ты при людях... э-эх ты! Хочешь, я на коленки встану перед тобой? Один на один - это мне не обидно... но чтобы при скотском докторе... А жену я вздую... изувечу!.. Я ее люблю, и она меня должна...

(Вбегают Чепурной, Мелания, Лиза, Антоновна, Фима.)

Лиза. Что такое? Что это, Павел?

Чепурной (удерживая Лизу). В чем дело? А нуте?

Протасов. Позвольте, господа...

Мелания. Няня, пошлите за дворником!

Антоновна (уходит и кричит). Роман!

Егор. Ишь, налетело воронье... Шугни их хорошенько, Павел Федорович!

Чепурной. Вы бы, добрый человек, шли себе до вашего дому, а?

Егор. Я - не добрый человек...

Чепурной (хмурит брови). И все ж таки - идите!..

Мелания. Надо полицию...

Протасов. Пожалуйста - ничего не надо! Вы, Егор, идите... а потом - я сам приду к вам.

(Антоновна и Роман являются в дверях столовой.)

Егор. О? Придешь?

Протасов. Приду...

Егор. Ну, ладно... смотри же! Не врешь?

Протасов. Честное слово!

Егор. Вот! Ну, прощай... А все эти люди – как пыль против тебя... прощай!
(Уходит.)

Роман. Меня, значит, не надо?

Протасов. Не надо, идите! Ф-фу... Ну, видишь, старуха? (Антоновна вздыхает.) Вот что ты натворила...

Лиза. Я боюсь этого человека... боюсь!

Мелания. Вы уж очень деликатны, Павел Федорович!

Протасов. Нет, ведь я действительно виноват пред ним...

Лиза. Нужно взять другого слесаря, Павел.

Чепурной. Мастеровые – они все пьяницы...

Протасов. Как это нервит и утомляет! Мне не везет сегодня... Вторгаются какие-то глупые мелочи... У меня там сложный опыт с циановой кислотой, а тут... Налей мне чаю, Лиза!

Лиза. Я скажу, чтоб чай перенесли сюда... ты не любишь столовой... (Уходит.)

Протасов. Да... хорошо... Я вообще не люблю темных комнат, а светлых в этом доме нет...

Мелания. Ах, я вас понимаю, Павел Федорович!

Чепурной. Маланья! Как это слово?

Мелания. Какое слово?

Чепурной. А вот ты спрашивала меня...

Мелания. Ничего я не спрашивала...

Чепурной. Забыла? Вот так! Она, знаете, коллега, когда от вас мудреное слово услышит, то у меня спрашивает, что оно значит?

Мелания (обиженно). Ты, Борис... ужасный человек! У меня плохая память на иностранные слова... над чем тут смеяться?

(Фима входит, ловко накрывает стол у окна и постепенно переносит чай.)

Протасов. Вы о чем у него спрашивали?

Мелания (виновато). Я забыла, что такое гидатопироморфизм.

Чепурной. А я ей сказал, что то водяной фейерверк...

Протасов (хохочет). Что-о?

(Лиза входит и хлопчет у стола.)

Мелания. Как тебе не стыдно, Борис!

Протасов (с улыбкой). А странные у вас отношения... вы всегда как бы враждуете друг с другом... извините, может быть, я бестактно говорю?

Мелания. Ах, полноте! Борис не любит меня... мы с ним – как чужие... Он воспитывался в Полтаве у тетки, я – в Ярославле у дяди... Ведь мы сироты...

Чепурной. Казанские...

Мелания. Встретились мы уже взрослыми... и не понравились друг другу... Борис ведь никого не любит... у него не удалась жизнь, и он на всех сердится за это... Он ко мне и не ходит даже...

Чепурной. А знаете, коллега, когда ее муж старенький жив был, придешь к ней, так он просит меня, чтоб я полечил его...

Мелания. Врешь ведь...

Чепурной. Говорю ему – я не всех скотов лечить умею...

Лиза. Борис Николаевич!

(Протасов смущенно смеется.)

Чепурной. Пересолил?

Лиза. Пейте чай...

Чепурной. И ступайте домой. Понимаю...

Мелания. Павел Федорович! А помните, вы хотели показать мне водоросль под микроскопом?

Протасов. То есть клетку водоросли... да, как же... гм... Это можно... даже сейчас – хотите?

Мелания. Ах, пожалуйста! Я буду так рада...

Протасов. Пойдемте... Только у меня там запах... (Идет.)

Мелания (идя за ним). Ничего, ничего!

Чепурной. Комедия! Водорослей захотела корова!

Лиза (огорченно). Борис Николаевич! Вы такой правдивый, простой и сильный... но...

Чепурной. Бейте сразу!

Лиза. Зачем вы напускаете на себя эту грубость, эту тяжелую, неприятную насмешливость? Зачем?

Чепурной. Да я ничего не напускаю...

Лиза. В жизни так много грубого и жесткого... так много ужасного... надо быть мягче, надо быть добрее...

Чепурной. Зачем же лгать? Люди грубы и жестоки, это их природа...

Лиза. Нет, неправда!

Чепурной. А как же неправда? Вы и сами так думаете... и чувствуете так... Разве вы не говорите, что люди – звери, что они грубы, грязны и вы боитесь их? Я тоже знаю это и верю вам... А когда вы говорите – надо любить людей, я не верю. Это вы от страха говорите...

Лиза. Вы не понимаете меня!..

Чепурной. Может быть... Но я понимаю, что любить можно полезное или приятное: свинью, потому что она ветчину и сало дает, музыку, рака, картину... А человек – он же бесполезен и неприятен...

Лиза. Боже мой! Зачем так говорить?

Чепурной. Надо говорить правду, как ее чувствуешь... А добрым я пробовал быть. Взял как-то мальчишку с улицы, воспитать думал, а он скрал у меня часы и – удрал! А то девицу взял, тоже, знаете, с улицы... молодая еще девица была... думал – поживем, а там и повенчаемся... Так она напилась однажды пьяная и в физиономию мне...

Лиза. Перестаньте! Как вы не понимаете, что об этом нельзя рассказывать?

Чепурной. А чего ж? Мне бы именно все надо рассказать однажды, всю жизнь мою... может, оттого стал бы я чище душой...

Лиза. Вам надо жениться...

Чепурной. Эге! И я говорю – надо...

Лиза. Найдите себе девушку...

Чепурной (спокойно). Вы же знаете: девушку нашел я и второй год хожу около нее, как медведь около дупла с медом...

Лиза. Вы – снова? Милый Борис Николаевич, не надо! Я сказала вам мое решительное слово... оно не изменится никогда, ни в одном звуке!

Чепурной. А может быть? Я – хохол, а они упрямы... А может быть?..

Лиза (почти со страхом). Нет!..

Чепурной. Ну, поговоримте пока о другом...

Лиза. Вы пугаете меня своим упрямством...

Чепурной. А вы не бойтесь... Ничего не бойтесь...

(Пауза. Около террасы ворчит Роман. Лиза, вздрогнув, смотрит в окно.)

Лиза. За что вы так нехорошо относитесь к вашей сестре?

Чепурной (спокойно). Она – дура, да еще и подлая...

Лиза. Боже мой!

Чепурной. Не буду, не буду! Вот беда человеку не иметь на языке красных слов!.. Сестра, говорите? Что ж она? Двадцати лет вышла замуж за богатого старика, – зачем это? Потом едва не порешила себя от тоски и отвращения к нему: раз ее с отдушника сняли, – повесилась... а то еще нашатырный спирт пила... Вот – умер он, – она теперь и бесится.

Лиза. Может быть, вы сами виноваты, зачем не поддержали ее?

Чепурной. Может, виноват, а может, и поддерживал...

Лиза. Но казнить ее за это...

Чепурной. А я не только за это. Вы вот не понимаете, зачем она сюда ходит... а я понимаю...

Лиза. Не развивайте мне ваших догадок! Вы лучше подумайте, кто дал вам право быть судьей ее?

Чепурной. А вам кто дал право судить людей? И все люди пользуются этим правом без разрешения... Не судить, как не есть, невозможно для человека...

Мелания (выходит, взволнованная, за ней Протасов). Павел Федорович... я понимаю, но – неужели это правда?

Дети солнца. Максим Горький gor_kiutaхim.ru

Протасов. Ну, да. Все – живет, всюду – жизнь. И всюду – тайны. Вращаться в мире чудесных, глубоких загадок бытия, тратить энергию своего мозга на разрешение их – вот истинно человеческая жизнь, вот где неисчерпаемый источник счастья и животворной радости! Только в области разума человек свободен, только тогда он – человек, когда разумен, и, если он разумен, он честен и добр! Добро создано разумом, без сознания – нет добра!

(Быстро выхватывает часы, смотрит.) Но, вы извините... я должен идти... да, пожалуйста... черт возьми! (Уходит.)

Мелания. Если б вы слышали, что он говорил там... как он говорил! Мне говорил, одной мне, Мелании Кирпичевой, да! Первый раз в жизни со мной так говорили... о таких чудесах... со мной! Борис – смеется... ну, что же, Борис? (Со слезами в голосе.) Я ведь не говорю, что поняла его мысли, разве я говорю это? Я – дура... Лизавета Федоровна, я смешная? Голубушка моя... вы подумайте: живешь, живешь, так как-то, точно спишь... вдруг – толкнет, откроешь глаза – утро, солнце – и ничего не видишь сразу-то, только свет! И так вздохнешь всей душой, такой радостью чистой вздохнешь... Точно заутреня на пасху...

Чепурной. Да чего ты?

Лиза. Выпейте чаю... сядьте! Вы так взволнованы...

Мелания. Тебе не понять, Борис! Нет, спасибо... не буду чаю... я уйду. Вы меня извините, Лизавета Федоровна... я вам нервы расстроила! Я пойду... до свидания! Вы скажите ему, – ушла, мол... благодарит, мол... Радость вы моя, какой он светлый... чудный какой! (Уходит в дверь на террасу.)

Чепурной. Чего она? Не понимаю...

Лиза. Я – понимаю. Когда-то и на меня

Павел действовал вот так же... Говорит, и с моих глаз, с мозга точно пелена спадает... так ясно все, так стройно, загадочно и просто, ничтожно и огромно! А потом я узнала настоящую жизнь, полную грязи, зверства, бессмысленной жестокости... душу мою охватил страх и недоумение... и вот тогда я попала в больницу...

Чепурной. Вам бы не вспоминать об этом... Что ж больница? Была, и нет ее...

Лиза. Будет.

(На террасе – Елена и Вагин.)

Чепурной. Кто-то идет... ага! Елена Николаевна... И художник... Пора уже мне уходить...

Елена. А, Борис Николаевич! Павел у себя, Лиза? Налей мне, пожалуйста, чаю... (Идет к мужу.)

Чепурной. Чего вы такой бледный и взъерошенный, Дмитрий Сергеевич?

Вагин. Разве? Не знаю! Как ваши успехи в живописи, Лиза?

Лиза. Я сегодня не писала...

Вагин. Жаль. Краски успокаивают нервы...

Чепурной. По вас того не видно...

Вагин. Не все, конечно...

Лиза (вздвигнув). И – не красная...

Чепурной. До свидания... пойду! Пойду на речку раков ловить. А потом сварю их и буду есть, пить пиво... и курить. Да не провожайте, Елизавета Федоровна, я еще ворочусь... завтра же. (Елена выходит.) До свидания, Елена Николаевна!

Елена. Уходите? До свидания...

(Чепурной и Лиза уходят.)

Вагин. Он занят?

Елена. Да... Скоро придет...

Вагин. Все возится со своей нелепой идеей создать гомункула...

Елена. Какой тон... стыдитесь!

Вагин. Но если меня раздражает эта дрянная мыслишка педантов! И простить ему отношение к вам я не могу. Это чудовищно...

Елена. Я готова раскаяться в том, что позволила себе быть откровенной с вами...

Вагин. Вы должны быть свободным человеком, и того, кто вас не ценит, вы не должны щадить...

Елена. Я так и сделаю... вы увидите!

Вагин. Когда? Чего вы ждете?

Елена. Мне нужно знать, какое место занимаю я в душе его...

Вагин. Никакого!

Елена (с тонкой улыбкой). Если это так, это хорошо. Тогда все решается просто: я не нужна ему, – я уйду. А если нет? Если его любовь только утомлена, отодвинута в глубину его души силой идеи, охватившей его? Я уйду от него, и вдруг в его душе снова вспыхнет...

Вагин. Вам этого хочется? да?

Елена. Вы понимаете, какая драма ждет его? А я – ненавижу драмы.

Вагин. За него ли боитесь вы?

Елена. Я не хочу мешать ему жить...

Вагин. Вы рассуждаете – значит, вы не хотите. Желая сильно, не рассуждают...

Елена. Звери. Не рассуждают – животные. А человек должен поступать так, чтоб на земле было меньше зла...

Вагин. Приносить себя в жертву долгу и прочее... На вас дурно влияет Лиза с ее кислой философией...

Елена. Зло – противно. Страдание – отвратительно... Я считаю страдание позором для себя, и нечестно, некрасиво причинять страдание другим.

Вагин. Как вы рассудочны!.. Но все же вашим языком говорит душа рабыни... Вы приносите себя в жертву – кому? Человеку, который разлагает жизнь на мельчайшие частицы в тупом стремлении найти ее начало! Нелепая идея! Он служит черной смерти... а не свободе, не красоте и радости. И ему не нужна ваша жертва...

Елена. Спокойнее, мой друг! Я ничего не говорю о жертве... И у меня нет причин верить в силу ваших чувств...

Вагин. Вы не верите в мою любовь?

Елена. Скажем так, я не верю себе...

(Лиза входит.)

Вагин. Как вы... холодны!

Елена. Я говорю искренно...

Лиза. Сегодня Павлу целый день мешали...

Елена. Кто?

Лиза. Все – няня, этот слесарь, домохозяин...

Елена. Это раздражало Павла?

Лиза. Я думаю...

Елена. Досадно...

(Вагин выходит на террасу.)

Лиза. Прости меня, но ты ужасно мало обращаешь внимания на него...

Елена. Он никогда не говорил мне об этом...

Лиза (встает). Может быть, потому, что с тобой неприятно говорить... (Идет к себе наверх.)

Елена (мягко). Лиза! Ты снова... Лиза, ты не права... Послушай же...

(Лиза не отвечает. Елена смотрит вслед ей, пожимает плечами и, нахмутив брови, медленно идет к двери на террасу. Фима из столовой.)

Фима. Барыня!

Елена. А... что вам?

Фима. Без вас приходила Мелания Николаевна и говорит мне.

(Пауза.)

Елена (задумчиво). Да... что же она говорит?

Фима. Мне так неприлично стало...

Елена. Если неприлично, не надо говорить...

Фима. Она сказала: следи, говорит, за барыней, – за вами, то есть...

Елена. Что такое? Вы всегда, Фима, выдумываете какие-нибудь глупости... идите, пожалуйста.

Фима. Это не глупости, честное слово! Следи, говорит, за ней и господином Вагиным...

Елена (негромко). Ступайте вон!

Фима. Я же не виновата! И вот рубль дала...

Елена. Вон!

(Фима быстро уходит. Протасов спешно выходит из-за портьеры.)

Протасов. Что ты кричишь, Лена, а? Ага! Война с Фимой... Это, знаешь, удивительная девица. У нее какие-то особенные юбки: они за все задевают, все опрокидывают, бьют... Я побуду с тобой минут... ровно десять! Налей мне чаю... А Дмитрий – не пришел?

Елена. Он на террасе...

Протасов. И Лиза там?

Елена. Лиза у себя...

Протасов. Ты как будто не в духе, а?

Елена. Немного устала...

Протасов. Как подвигается твой портрет?

Елена. Ты спрашиваешь об этом каждый день...

Протасов. Разве? А, вот Дмитрий... и сердитый! Отчего?

Вагин. Так... Однажды я напишу ваш сад... вот в это время, на закате...

Протасов. И это тебя уже заранее сердит?

Вагин. Ты сострил?

Елена. Вам чаю?

Протасов (встает). Вы оба не в духе... Пойду в кухню... там у меня... Налей мне еще, Лена!..

Вагин. Вот он однажды посадит вас в колбу, обольет какой-нибудь кислотой и будет наблюдать, как вам это понравится...

Елена. Не говорите вздора... если вам не хочется...

Вагин (просто, искренно). Я никогда не испытывал такого могучего чувства, как мое отношение к вам... оно меня мучает... но и возвышает меня...

Елена. Да?

Вагин. Мне хочется быть пред вами всех выше, лучше, ярче...

Елена. Это хорошо... я очень рада за вас...

Вагин. Елена Николаевна! Поверьте мне...

Протасов (в столовой, потом входит, держа в руках какой-то металлический сосуд). Старуха, отстань! И почему кухарка – плюс муж? Бери просто кухарку, как таковую... а меня оставь!

Елена. Няня! Я вас просила...

Протасов. Вот, старая смола! Нефтяные остатки! (Уходит к себе.)

Елена. Я просила вас не тревожить Павла...

Антоновна. Позвольте, матушка Елена Николаевна, спросить, кто же в этом доме хозяин? Павлуша – занят, Лиза – больной человек, вы – целые дни дома не бываете...

Елена. Но Павла не должны касаться мелочи...

Антоновна. А уж за этим вы сами смотрите...

Елена. Недоставало только, чтоб вы меня учили...

Антоновна. А что же? Если я вижу, что дом брошен и Павлуша без внимания...

Елена (мягко). Я вас прошу, уйдите, няня!

Антоновна. Хорошо-с... Но и покойница генеральша из комнат меня не выгоняли... (Уходит, обиженная. Елена встает, нервно расхаживает по комнате. Вагин с усмешкой смотрит на нее.)

Елена. Вас забавляет это?

Вагин. Немножко глупости – всегда забавно! (Горячо.) Нужно уйти из этого дома! Вы созданы для красивой, свободной жизни...

Елена (задумчиво). Возможна ли такая жизнь, когда вокруг нас всюду дикие люди? Это странно: чем крупнее человек, тем более около него пошлости... вот так ветер сметает всякий хлам к стене высокого здания... (Протасов идет, подавленный и бледный. В нем есть что-то детское, беспомощное и обаятельное в своей искренности. Говорит негромко и точно виноватый.) Ты что, Павел? Что с тобой?

Протасов. Она – раскислилась, – понимаешь? Да, раскислилась... А опыт был обставлен строго... я все принял во внимание... (Смотрит на жену и как бы не видит ее. Проходит к столу, садится, нервно шевелит пальцами. Вынимает из кармана записную книжку, быстро чертит карандашом и погружается в это. Вагин молча жмет руку Елены и уходит.)

Елена (негромко). Павел... (Громче.) Милый Павел... ты очень огорчен? да?

Протасов (сквозь зубы). Подожди... Почему она раскислилась?

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Направо стена дома и широкая терраса с перилами. Несколько балясин из перил выпали. На террасе два стола: один большой, обеденный; другой, в углу, маленький, – на нем разбросаны кости и лото. Задний бок террасы затянут парусиной. Во всю длину двора, до забора в глубине его, стоит зеленая, старая решетка, за нею – сад. Вечер. Из-за угла террасы идут Чепурной и Назар Авдеевич.

Назар. Так – ничего, пройдет?

Чепурной. Ничего...

Назар. Это – приятно. Оно, хотя лошаденка и немудрая, а все денег стоит... Шестьдесят рублей дано за нее семь лет тому назад, да сколько овса съела за это время... Но ежели она не поправится, вы скажите, тогда я ее продам...

Чепурной. Что ж, вы думаете – у другого хозяина она здорова будет?

Назар. А уж это не мое дело! Господин доктор?

Чепурной. Чего?

Назар. Есть у меня к вам одна деликатная просьбица, только не знаю, как ее выразить...

Чепурной (закуривая). Выражайте короче...

Назар. Это самое резонное. Просьбишка моя, изволите ли видеть...

Чепурной. Еще короче...

Назар. Касаемо господина Протасова...

Чепурной. Эге... ну?

Назар. Видите ли, сын мой, обучившись в коммерческом училище промышленности, говорит, что, дескать, ныне химия большую силу берет... И сам я вижу, – туалетные мыла, духи, помады и подобный товар идет ходко и большой барыш дает...

Чепурной. А ну, еще короче...

(Миша выглядывает из-за угла. Чепурной замечает его.)

Назар. Никак не могу, затея очень фигурная... Уксус, например, эссенции всякие... и многое другое... И вот – смотрю я на господина Протасова: без пользы они материал и время тратят... и от этого вскорости и проживутся они, надо думать... Так вот – поговорите вы с ними...

Чепурной. Насчет уксуса поговорить?

Назар. Вообще... Вы на то упирайте, что должны они скоро без средств остаться... И вот я предлагаю им дельце: я им заводик поставлю, а они полезный товар работать будут. Денег у них нет для компании, ну, я векселечки возьму...

Чепурной (усмехаясь) А вы – добрый, э?

Назар. Сердце у меня очень "мягкое! Вижу вот, что человек без пользы обращается, и сейчас мне хочется в дело его употребить. К тому же и они господин, стоящий внимания! На рождение супруги своей фейерверк они заготовили – боже мой! Высокое искусство было обнаружено ими... Так поговорите?... а?

(Фима на террасе готовит чай.)

Чепурной. Поговорю...

Назар. Большую пользу принесете им, как я разумею... А пока – до свидания!

Чепурной. До свидания! (Фиме.) А где господа?

Фима. Барин – у себя, а барыня в саду... с господином Вагиным, и Елизавета Федоровна там...

Чепурной. Ну, пойду и я в сад...

Миша (быстро выходит из-за угла). Извините... не имею удовольствия знать имени и отчества вашего...

Чепурной. Ничего. Ведь и я вашего тоже не знаю...

Миша. Михаил Назаров Выгузов – к вашим услугам!

Чепурной. Какие же услуги? Мне от вас ничего не нужно...

Миша (покровительственно). Это – из вежливости говорится. Я был случайным свидетелем разговора вашего с отцом моим...

Чепурной. Я видел этот случай... Скажите, чего ж вы так ногами дрыгаете?

Миша. Это – от нетерпения... от стремления... Характер у меня живой...

Чепурной. Куда ж вы стремитесь?

Миша. То есть, как? Живость у меня... вообще...

Чепурной. Ага! Понимаю... До свидания!

Миша. Позвольте! Я имею сказать вам...

Чепурной. Чего сказать?..

Миша. По поводу предложения папаша. Видите ли, это моя идея... только папаша изложил вам ее не так ясно...

Чепурной. Нет, ничего, я понял...

Миша. А может быть, вы сделаете мне честь пожаловать сегодня в девять часов на Трицкую, ресторан "Париж"?

Чепурной. Нет, знаете, не сделаю я этой чести и вам.

Миша. Очень грустно...

Чепурной (вздыхнув с облегчением). И мне тоже... (Идет в сад.)

Миша (презрительно смотрит вслед ему). Невежа! Настоящий скотский доктор!

Фима. Что? И говорить-то с вами не хотят!

Миша. А знаешь, Фимка, что я могу с тобой сделать?

Фима. Ничего...

Миша. А вот заявлю, что кольцо, которое я тебе подарил, ты у меня украла... Помощник пристава мой знакомый...

Фима. Не испугалась! Он за мной ухаживает, помощник-то!

Миша. Тем хуже для тебя... Нет, Фима, я шучу. Давай говорить серьезно: двадцать пять и квартира – идет?

Фима. Подите вы! Я девушка честная...

Миша. Дура ты... вот что! Ну, слушай! – у меня товарищ есть, Зотиков, красавец и богач... хочешь познакомлю?

Фима. Опоздали! Он уж два раза ко мне письма присылал... что?

Миша (поражен и – негодует). Врешь? Ах, подлец! Ну – люди! Вот жулье... тьфу! А ты, Фима, – молодец-то есть, женился бы на тебе, если б не надо было на богатой жениться...

Фима (тихо). Господа идут...

(Из сада идут Лиза и Чепурной.)

Лиза (Мише). Вам что угодно?

Миша. А вот – внушал вашей горничной, чтобы она химических жидкостей из окна в сад не выплескивала... от этого садовая растительность страдает, да к тому же и время опасное, холера идет, извоили слышать?

Чепурной. До свидания, молодой человек!

Миша. Честь имею... (Быстро скрывается.)

Лиза (идя на террасу). Удивительно нахальное лицо...

Чепурной. Вот коллега живое вещество изобретает, а – куда оно? Вон оно какое вредное... Или я... тоже живое вещество, а какой смысл имею?

Лиза. Как вы сегодня тяжело настроены!.. Давайте кончим партию... садитесь... Я продолжаю: 6, 23.

Чепурной. 10, 29 у меня...

Лиза. Я вас не понимаю... 8, 31... вы такой здоровый, сильный...

Чепурной. 7, 36...

Лиза. И ничем не интересуетесь, ничего не делаете... 5, 36... Теперь, когда жизнь принимает такой трагический тон... всюду растет ненависть и так мало любви...

Чепурной. 36, 10, 41...

Лиза. Как много вы могли бы внести в эту жизнь своей работы – доброй, умной работы... 8 у меня, 44...

Чепурной. Мне уже сорок лет... и семь очков... 48...

Лиза. Сорок лет? Пустяки!.. 10, 54...

Чепурной. И вы очень испортили меня... 3, 51...

Лиза. Я? испортила?

Чепурной. Да... Все вы, ваш брат, Елена Николаевна, вы...

Лиза. 8... Я – кончила... Давайте сначала, только не будем считать вслух, это мешает разговору... Объясните мне, чем это мы испортили вас?

Чепурной. А знаете, до встречи с вами я жил с большим любопытством...

Лиза. С интересом?

Чепурной. Ну да, с любопытством... Мне все было любопытно знать. Книжку новую вижу – читаю, хочу знать: а что в ней нового, кроме обложки? Человека на улице бьют – останавлиюсь и посмотрю, усердно ли бьют его, и даже иногда спрошу, за что бьют? И ветеринарии я учился с большим любопытством...

Антоновна (в дверях.). Лизонька – капли принимала?

Лиза. Да, да...

Антоновна. Самовар кипит, а за столом никого нет... О, господи! (Идет в сад.)

Чепурной. Вообще на все я смотрел с любопытством... и видел, что жизнь устроена – дрянно, люди – жадны и глупы, а я – умнее и лучше, чем они... Это было мне приятно знать, и душа моя была спокойна... хоть я и видел, что иному человеку труднее жить, чем той лошади, что я лечу, да и хуже, чем собаке... но этот случай объяснялся тем, что человек глупее собаки и лошади.

Лиза. Зачем так говорить? Ведь вы не верите в это?

Чепурной. Так я и жил, и было мне недурно... Но вот – попал к вам, вижу: один горит в своей науке, другой бредит киноварью с охрой, третья притворяется, что она веселая и разумная... а вы заглянули куда-то глубоко и трагедию в душе носите...

Лиза. Чем же мы вас испортили? У меня – партия...

Чепурной. Не умею это сказать... Сначала мне так понравилось у вас, что я даже водку перестал пить, ибо от ваших разговоров хмелен бывал... А потом – потерял я мое любопытство, и беспокойно стало мне...

Антоновна (идет из сада). Пили бы чай-то...

Протасов (из комнат). Готов самовар? Чудесно! Здравствуйте, ученый...

Чепурной. Добрый день, коллега...

Протасов. А Лена в саду?

Лиза. Да...

Протасов. Пойду звать ее... Вы проиграете...

Чепурной. А проиграю...

Протасов. У тебя сегодня славный цвет лица, Лиза... и глаза – ясные... спокойные... Это – приятно видеть... (Идет в сад.)

Лиза (с досадой). Зачем он всегда говорит со мной, как с больным ребенком?..

Чепурной. Да он со всеми, кто протоплазмой не интересуется, как с ребятами говорит...

Лиза. Со мной все так говорят... все стараются напомнить мне, что я больна...

Чепурной. А вы сами прежде всего позабудьте об этом...

Лиза. Продолжайте... Вы говорите, вам стало беспокойно, - отчего?

Чепурной. И беспокойно и... неловко как-то... Как будто механизм души моей вдруг заржавел... Нелепо мне, Елизавета Федоровна, и коли вы не поможете...

Лиза. Милый Борис Николаевич! Оставьте это... Я - калека, урод...

Чепурной (спокойно). Погибну я тогда, как навозный жук...

Лиза (вскочив). Да оставьте же! Ведь вы мучаете меня... неужели вы не понимаете этого?

Чепурной (испуган). Ну, не надо! Простите... не буду! Молчу... успокойтесь!

Лиза. Боже мой! Как мучительно жалко всех... как все бессильны... одиноки!

(Пауза.)

Чепурной. Я, знаете, раньше хорошо спал. А теперь - лежу, вытаращив очи, и мечтаю, как влюбленный студент, да еще с первого курса... Хочется мне что-то сделать... эдакое, знаете, геройское... А что? Не могу догадаться... И все кажется мне: идет по реке лед, а на льдине поросенок сидит, такой маленький, рыжий поросся, и верещит, верещит! И вот я бросаюсь к нему, проваливаюсь в воду... и - спасаю поросся! А оно - никому не нужно! И - такая досада! - приходится мне одному того спасенного поросенка с хреном съесть...

Лиза (смеется). Это - смешно...

Чепурной. Даже до слез...

(Из сада идут Елена, Протасов, Вагин.)

Лиза. Налить чаю?

Чепурной. Давайте... что ж еще делать? А знаете, Елизавета Федоровна, - все ж таки идите за меня замуж; то-то мы с вами настонали бы на земле!

Лиза (неприятно удивлена). Как вы... шутите... как это тяжело и странно!

Чепурной (спокойно). Да вы подумайте, что ж еще делать - вам и мне?

Лиза (со страхом). Молчите... молчите!

Елена. Ну, да, это - красиво, но по смыслу - неглубоко, а по сюжету доступно немногим...

Вагин. Искусство всегда было достоянием немногих... Это его гордость...

Елена. Это - его драма...

Вагин. Таково мнение большинства, и уже по одному этому - я против...

Елена. Не рисуйтесь! Искусство должно облагораживать людей...

Вагин. Оно не имеет целей...

Протасов. Мой друг, в мире нет ничего бесцельного...

Чепурной. Коли не считать самый мир...

Лиза. Боже мой! Я тысячу раз слышала все это...

Елена. Дмитрий Сергеевич! Жизнь - трудна, человек часто устает жить... Жизнь груба, да? На чем отдохнуть душе? Красивое - редко, но когда оно истинно красиво, оно согревает мне душу, как солнце, вдруг осиявшее пасмурный день... Нужно, чтобы все люди понимали и любили красоту, тогда они построят на ней мораль... они будут ценить свои поступки как красивые и безобразные... и тогда-то жизнь будет прекрасна!

Протасов. Это – чудесно, Лена! Это – может быть...

Вагин. Какое мне дело до людей! Я хочу громко спеть свою песню один и для себя...

Елена. Полноте! Зачем – слова? Нужно, чтоб в искусстве отражалось вечное стремление человека в даль, к высоте... Когда это стремление есть в художнике и когда он верует в солнечную силу красоты, его картина, книга, его соната – будут мне понятны... дороги... он вызовет в душе моей созвучный аккорд... и, если я устала, – я отдохну и снова захочу работы, счастья, жизни!

Протасов. Славно, Лена!

Елена. Вы знаете, порой мне грезится такое полотно: среди безграничного моря – идет корабль; его жадно обнимают зеленые, гневные волны; а на носу его и у бортов стоят какие-то крепкие, мощные люди... Просто – стоят люди, – всё такие открытые, бодрые лица, – и, гордо улыбаясь, смотрят далеко вперед, готовые спокойно погибнуть по пути к своей цели... Вот и вся картина!

Вагин. Это интересно... да...

Протасов. Подожди...

Елена. Пусть эти люди идут под знойным солнцем по желтому песку пустыни....

Лиза (невольно, негромко). Он – красный...

Елена. Все равно! Нужно только, чтоб это были особенные люди, мужественные и гордые, непоколебимые в своих желаниях и – простые, как просто все великое... Такая картина может вызвать у меня чувство гордости за людей, за художника, который создал их... и она напомнит мне о тех великих людях, которые помогли нам уйти так далеко от животных и всё дальше уводят к человеку!

Вагин. Да, это я понимаю... Это – интересно... красиво! (К террасе подходит Яков Трошин и, незамечаемый, стоит, открыв рот.) Я попробую это, черт возьми!

Протасов. Конечно, Дмитрий! Пиши! Лена, ты молодец! Это... что-то новое у тебя... а, Лена?

Елена. Как ты можешь знать, новое это или старое?

Трошин. М-милостивые государи! (Все обращаются к нему.) Я долго ждал, когда вы кончите ваш интересный разговор... но принужден помешать вам... очень просто!

Чепурной. Вам чего?

Трошин. Узнаю малоросса... очень просто! Потому – сам был в Малороссии и играю на флейте...

Чепурной. Что ж вам нужно?

Трошин. Позвольте! Всё по порядку... Представляюсь – подпоручик Яков Трошин, бывший помощник начальника станции Лог... тот самый Яков Трошин, у которого поезд жену и ребенка раздавил... Ребенки у меня и еще есть, а жены – нет... да-а! С кем имею честь?

Протасов. Как интересно говорят пьяные...

Лиза (укоризненно). Павел! Что ты...

Елена. Вам что угодно?

Трошин (кланяясь). Сударыня – извините! (Показывает ногу в туфле.) Сан-сапогэ... ибо счастье – превратно... Сударыня! Скажите, где проживает слесарь Егор... Егор – а фамилию я позабыл... а может быть, у него и нет фамилии... и даже, может, он – в ночи видение мне было?

Елена. Это – там... во флигеле, нижний этаж...

Трошин. Р-ремерси! Искал его целый день... утомлен и едва стою на ногах... За угол? Бон войяж! Он только вчера имел счастье познакомиться со мной... и вот я иду к нему... это надо оценить! За угол? Очень просто! До приятного свидания!..

Протасов. Вот комик! Сан-сапогэ, а?

Лиза. Тише, Павел...

Трошин (идет, пошатываясь, и бормочет). Ага! Вы думали – он ничтожество? Нет, это Яков Трошин... он знает, что такое приличия... очень просто! Яков Трошин! (Скрывается.)

Протасов. Какой забавный, а? Лена?

Лиза. А какое место в твоей картине, Лена, будут занимать вот эти люди?

Елена. Их там не будет, Лиза...

Протасов. Они, как водоросли и раковины, присосутся ко дну корабля...

Вагин. И будут затруднять его движение...

Лиза. Их участь – гибель, Елена? Без помощи, одни, эти люди должны погибнуть?

Елена. Они уже погибли, Лиза...

Вагин. Мы тоже – одни в темном хаосе жизни...

Протасов. Эти люди, мой друг, – мертвые клетки в организме...

Лиза. Как вы все жестоки! Я не могу слушать вас... как вы слепы и жестоки... (Идет в сад Чепурной медленно поднимается и идет за ней.)

Протасов (негромко). Знаешь, Лена, при ней совсем невозможно ни о чем говорить... Она все сводит к одному, в свой большой, темный угол...

Елена. Да... трудно с ней... Она живет страхом пред жизнью...

Вагин. Елена Николаевна! На носу корабля будет стоять кто-то один... У него лицо человека, схоронившего на берегу, сзади себя, все свои надежды... но глаза его горят огнем великого упорства... и он едет, чтобы создать новые... одинокий среди одиноких...

Протасов. Не нужно бури, господа! Или – нет! – пусть будет буря, но впереди, на пути корабля, горит солнце! Ты назови свою картину "К солнцу!", источнику жизни!

Вагин. Да, к источнику жизни!.. Там, вдали, среди туч, яркое, как солнце, лицо женщины...

Протасов. Ну, зачем – женщина? Но пускай среди этих людей на корабле будут Лавуазье, Дарвин... Однако я заговорился... мне нужно уйти... (Быстро идет в комнаты.)

Вагин (искренно). С каждым днем вы, родная моя, все более властно и крепко привлекаете меня к себе... Я молиться готов на вас...

Протасов (из комнат). Дмитрий! На минуту...

Елена. Не сотвори себе кумира, ни всякого подобия его...

Вагин. Я напишу эту картину, вы увидите! И она будет петь своими красками величественный гимн свободе, красоте...

Протасов. Дмитрий!..

Елена. Идите, мой друг!

(Вагин уходит. Елена задумчиво прохаживается по террасе. Из сада доносится голос Чепурного.)

Чепурной (спокойно). Да это же не может быть иначе... Говорит человек, а поступки делает – все еще животное...

Лиза (тоскливо). Но когда же, когда... (Их не слышно.)

Мелания (идет по двору). Ах, Елена Николаевна! Вы дома?

Елена (сухо). Вас это удивляет?

Мелания. Нет, почему же? Здравствуйте...

Елена. Извините меня, но раньше, чем подать вам руку:

Мелания. Что-о?

Елена. Я должна спросить вас... будемте говорить правдиво и просто! Вы предлагали нашей горничной...

Мелания (быстро). Ах... какая мерзавка! Продала...

Елена (не вдруг). Значит – правда? Мелания Николаевна... Вы понимаете, как это... как нужно назвать ваш поступок?

Мелания (искренно, горячо). Да... да, понимаю! Просто – так уж просто! Все равно... слушайте!.. Вы женщина, вы – любите, может быть, вы поймете...

Елена. Тише... в саду ваш брат!

Мелания. Что мне? Вот... слушайте: я люблю Павла Федоровича... вот! Я его так люблю... готова в кухарки, в горничные к нему идти... Вы – тоже, я вижу! – вы ведь художника любите... вам Павел Федорович не нужен... Хотите, – на колени встану? Отдайте мне его! Ноги буду целовать ваши...

Елена (поражена). Что вы говорите? Что вы? Мелания. Все равно! У меня – деньги... я ему выстрою лабораторию... дворец выстрою! Буду ему служить, чтобы ветер не касался его... буду сидеть у дверей дни и ночи... вот! Зачем он вам? А я его – как угодника божия, люблю...

Елена. Успокойтесь... подождите! Я, должно быть, неверно понимаю вас...

Мелания. Барыня! Вы – умная, вы – благородная, чистая... А у меня жизнь была тяжелая, противная... и людей я видела только гнусных... а – он! Он-то! Дитя такое... такой – возвышенный! Да ведь я около него – царицей буду... ему – служанка, а для всех – царица! И душа моя... душа моя вздохнет! Чистого человека хочу я! Понимаете меня?... Вот!

Елена (взволнованно). Мне трудно вас понять... нам нужно много говорить... Боже мой... какая вы несчастная, должно быть.

Мелания. Да! О, да! вы можете понять, должны понять! Я оттого вот так и говорю вам – сразу все, я знаю, вы поймете. И не обманете меня: может, я тоже человеком буду, коли не обманете!

Елена. Мне незачем обманывать вас... Я чувствую больное сердце ваше... Пойдемте ко мне... пойдемте!

Мелания. Как вы говорите... неужели и вы тоже хороший человек?

Елена (берет ее за руку). Поверьте мне... поверьте, что если люди будут искренни, они поймут друг друга!

Мелания (идет за ней). Верю я вам или нет, не знаю. Слова ваши понятны, а чувства – не могу я понять... Хорошая вы или нет? Вот... Боюсь я верить в хорошее... не видела я его... и сама – дурной, темный человек... морем слез

омыла я душу мою... Но все еще – темная...

(Уходят. Роман выглядывает из-за угла с топором в руке. Из сада идут Лиза и Чепурной. Антоновна – из комнат.)

Антоновна. Ишь... разбежались все... мечутся, как полоумные... Лизонька, ты чего все бродишь? Тебе сидеть надо...

Лиза. Отстань, няня...

Антоновна. Нечего сердиться... Какие у тебя силы? (Идет в комнаты, ворчит.)

Чепурной. Старуха-хлопотуха... любит она вас...

Лиза. Это так... просто привычка ухаживать... Она больше тридцати лет живет у нас... Ужасно тупая и упрямая... Странно... С той поры, как я помню себя, у нас в доме всегда звучала музыка и сверкали лучшие мысли мира... а вот она не стала добрее или умнее от этого...

(Протасов и Вагин выходят из комнат.)

Протасов (вагину). Понимаешь, когда волокно химически обработанного дерева можно будет прясть – тогда мы с тобой будем носить дубовые жилеты, березовые сюртуки...

Вагин. Брось ты свои деревянные фантазии... Скучно!

Протасов. Эх ты... ты сам скучный!..

Чепурной. Это зонтик сестры моей... Коллега!.. Вчера Маланья спросила меня, в каком сродстве стоят гипотеза с молекулой? Так я ей сказал, что молекула гипотезе приходится внучкой.

Протасов (смеясь). Ну, зачем вы? Она так наивно... и горячо интересуется всем...

Чепурной. Наивно? Мм... А монера с монадой – подкидыши в науке... неверно? Перепутал я генеалогию, значит!

Лиза. Вот видите: даже на ваших отношениях к сестре видно, как пренебрежительно и злобно относятся люди друг к другу...

Чепурной. Э, какая там злоба!

Лиза (нервно). Нет, я говорю вам – на земле все больше скопляется ненависти, на земле растет жестокость...

Протасов. Лиза! Ты снова распускаешь черные крылья?..

Лиза. Молчи, Павел! Ты ничего не видишь, ты смотришь в микроскоп...

Чепурной. А вы – в телескоп? Не надо бы, знаете... лучше своими глазами...

Лиза (тревожно, болезненно). Вы все – слепые! Откройте глаза; то, чем живете вы, ваши мысли, ваши чувства, они – как цветы в лесу, полном сумрака и гниения... полном ужаса... Вас мало, вы незаметны на земле...

Вагин (сухо). Кого ж вы на ней видите?

Лиза. На земле заметны миллионы, а не сотни... и среди миллионов растет ненависть. Вы, опьяненные красивыми словами и мыслями, не видите этого, а я – видела, как вырвалась на улицу ненависть и люди, дикие, озлобленные, с наслаждением истребляли друг друга... Однажды их злоба обрушится на вас...

Протасов. Все это оттого так страшно, Лиза, что вот, видимо, собирается гроза, стало душно, и твои нервы...

Лиза (умоляя). Не говори мне о моей болезни!

Дети солнца. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Протасов. Ну, ты подумай, кому, за что ненавидеть меня? Или его?

Лиза. Кому? Всем людям, от которых вы ушли так далеко...

Вагин (раздраженно). Черт их побери! Не идти же назад ради них!

Лиза. За что? За отчуждение от них, за невнимание к их тяжелой, нечеловеческой жизни! За то, что вы сыты и хорошо одеты... Ненависть слепа, но вы ярки, вас она увидит!

Вагин. Вам идет роль Кассандры...

Протасов (возбуждаясь). Подожди, Дмитрий! Ты неправ! Мы делаем большое и важное дело: он обогащает жизнь красотой, я – исследую ее тайны... И люди, о которых ты говоришь, со временем поймут и оценят нашу работу...

Вагин. Оценят или нет, мне все равно!

Протасов. Не надо смотреть на них так мрачно: они лучше, чем тебе кажется; они разумнее...

Лиза. Ты ничего не знаешь, Павел...

Протасов. Нет, я знаю, я вижу! (В начале его речи на террасу выходят Елена и Мелания, обе взволнованные.) Я вижу, как растет и развивается жизнь, как она, уступая упорным исканиям мысли моей, раскрывает предо мною свои глубокие, свои чудесные тайны. Я вижу себя владыкой многого; я знаю, человек будет владыкой всего! Все, что растет, становится сложнее; люди всё повышают свои требования к жизни и к самим себе... Когда-то под лучом солнца вспыхнул к жизни ничтожный и бесформенный кусок белка, размножился, сложился в орла и льва и человека; наступит время, из нас, людей, из всех людей, возникнет к жизни величественный, стройный организм – человечество! Человечество, господа! Тогда у всех клеток его будет прошлое, полное великих завоеваний мысли, – наша работа! Настоящее – свободный, дружный труд для наслаждения трудом, и будущее – я его чувствую, я его вижу – оно прекрасно. Человечество растет и зреет. Вот жизнь, вот смысл ее!

Лиза (тоскливо). Я бы хотела веровать так, о, я бы хотела! (Выхватывает из кармана книжку и быстро пишет что-то в ней. Мелания смотрит на Павла почти молитвенно, это выходит немного смешно. Лицо Елены, сначала суровое, проясняется грустной улыбкой. Вагин слушает оживленно. Чепурной низко наклонился над столом, и лица его не видно.)

Вагин. Люблю видеть тебя поэтом.

Протасов. Страх смерти – вот что мешает людям быть смелыми, красивыми, свободными людьми! Он висит над ними черной тучей, покрывает землю тенью, из него рождаются призраки. Он заставляет их сбиваться в сторону с прямого пути к свободе, с широкой дороги опыта. Он побуждает их создавать поспешные уродливые догадки о смысле бытия, он пугает разум, и тогда мысль создает заблуждения! Но мы, мы, люди, дети солнца, светлого источника жизни, рожденные солнцем, мы победим темный страх смерти! Мы – дети солнца! Это оно горит в нашей крови, это оно рождает гордые, огненные мысли, освещая мрак наших недоумений, оно – океан энергии, красоты и опьяняющей душу радости!

Лиза (вскакивая). Павел, это хорошо! Дети солнца... Ведь и я?... Ведь и я? Скорее, Павел, да? И я тоже?

Протасов. Да, да! И ты... все люди! Ну, да, конечно!

Лиза. Да? О, это хорошо... Я не могу сказать... как это хорошо! Дети солнца... да? Но – у меня расколота душа, разорвана душа... вот, послушайте! (Читает, сначала с закрытыми глазами.)

Орел поднимается в небо,

Сверкая могучим крылом...

и мне бы хотелось, и мне бы

Туда, в небеса, за орлом!

Хочу! Но бесплодны усилья!

Я - дочь этой грустной земли,

И долго души моей крылья

Влачили в грязи и пыли...

Люблю ваши дерзкие споры

И яркие ваши мечты,

Но - знаю я темные норы,

Живут в них слепые кроты;

Красивые мысли им чужды,

И солнцу душа их не рада,

Гнетут их тяжелые нужды,

Любви и вниманья им надо!

Они между мною и вами

Стоят молчаливой стеною...

Скажите - какими словами

Могу я увлечь их за мною?

(Все несколько секунд смотрят на нее молча. Вагину ее возбуждение не нравится.)

Протасов. Лиза! Как это ты?.. Разве ты пишешь стихи?

Елена. Вы хорошо сказали, Лиза! Я понимаю вас...

Вагин. Позвольте, господа! Елизавета Федоровна, я знаю другие стихи, они могли бы служить ответом вам...

Лиза. Скажите!

Вагин.

Как искры в туче дыма черной,

Средь этой жизни мы - одни.

Но мы в ней - будущего зерна!

Мы в ней - грядущего огни!

Мы дружно служим в светлом храме

Свободы, правды, красоты

Затем, чтоб гордыми орлами

Слепые выросли кроты...

Протасов. Bravo, Дмитрий! Чудесно, брат!

Мелания (в восторге). Господи! Как хорошо... Елена Николаевна, ведь я понимаю ее... понимаю! (Плачет.)

Елена. Успокойтесь... не надо!

Лиза (грустно). Вот вы ликуете... а мне – жалко, мне грустно видеть, что так много хороших мыслей, вспыхнув, исчезают, как искры в ночной тьме, не освещая людям дороги! Мне это грустно...

Мелания (целует руку Протасова). Ясный вы мой... спасибо!

Протасов (смущен). Что вы? Зачем вы? У меня руки могут быть нечистыми...

Мелания. Не могут...

Лиза. Борис Николаевич, что с вами?

Чепурной. А ничего... слушаю!

Лиза. Ведь я хорошо сказала?

Чепурной. С вами – правда...

Лиза. Со мной, да?

Мелания (Елене). Я уйду... родная вы моя!.. (Идет в комнаты, Елена за ней.)

Чепурной. А с ним – красота...

Вагин. А что лучше?

Чепурной. Да... красота лучше... а правда – нужнее людям...

Лиза. А вам? Вам что нужнее?

Чепурной. Да... я не знаю... Пожалуй, взял бы и того и другого... только в меру...

Елена (выходит). Павел, тебя зовет Мелания Николаевна...

Протасов. Лена, ну зачем она мне руку поцеловала? Как это глупо и неприятно!

Елена (усмехаясь). Надо терпеть...

Протасов (уходя). Губы – жирные... Что ей надо?

(Идет в комнаты. За углом террасы истерический крик Авдотьи.)

Авдотья. Врешь, подлец!

Лиза (вздрагнув). Что такое? Кто это?

Авдотья (выбегает). Не попал, дьявол, что?

Егор (в руках березовое полено). Стой, говорю!

Лиза. Боже мой! Спрячьте ее!

Авдотья (вбегая на террасу). Господа мои! Голубчики... убивает!

Елена. Идите сюда... скорее!

Авдотья (мужу). Что взял? (Уходит с Еленой в комнаты.)

Чепурной. Э, снова этот пьяница... (Лизе.) Уйдите вы, а?

Лиза. Ради бога... ради бога, остановите его!

Трошин (выходит из-за угла). Резвов – осторожно!

Чепурной (Егору). Пошел прочь!

Вагин. Гоните его!

(Из комнат выскакивает Протасов, за ним Мелания.)

Протасов. Егор! Вы снова...

Егор (Чепурному). Сам пошел к черту! Давайте мне жену!

Протасов. Вы с ума сошли...

Трошин. Жена принадлежит своему мужу, милостивый государь!.. Очень просто!

Егор. Вы ее не спрячете... я войду!

(Роман идет. Сонный. Становится сзади Егора.)

Роман. Егор! Не бунтуй...

Чепурной. Войди!

Лиза. Борис Николаевич, у него полено...

Чепурной. Ничего! Вы уйдите...

Протасов. Уйди, Лиза...

Егор. Давайте ее мне. Чего вы? Ваше это дело?

Мелания. Дворник, зови полицию!

Роман. Егор! Я позову полицию!..

Егор. Барин! Послушайте, ко мне гость пришел...

Трошин. Очень просто!

Егор. Образованный человек, с душой...

Трошин. Совершенно верно!

Егор. А она его мокрой тряпкой по роже!

Трошин. Факт! Но не по роже, Егор, а по лицу...

Протасов. Голубчик! Ну, будьте же человеком...

Егор. Давай ее сюда!

Вагин. Черт! Какое лицо!

Мелания. Дворник! я тебе говорю - полицию! держи его... хватай!

Роман. Егор! я иду, ну тебя...

Егор (идет на террасу). Ежели вы слов не понимаете...

Лиза. Бегите... он идет! Он убьет!..

Чепурной (идя навстречу Егору, сквозь зуба). А ну, бей...

Протасов. Лиза, уходи... (Насильно ведет ее в комнату. Мелания за ними.)

Егор. Уйди ты... (Готовит полено.)

Чепурной (смотрит в глаза ему). А ну...

Егор. Ударю...

Чепурной (Егору, тихо). Врешь, собака...

Егор. Не лайся...

Чепурной. А ну, бей...

Егор. Бей ты! На! (Бросает полено на землю.) Чепурной. Прочь... Ну?

Трошин (безнадежно). Резвов, ретируйся!

Егор (отступая). Ишь ты... дьявол!

Чепурной (презрительно). Э, собака...

Трошин (Вагину). Бон суар, мосье! Но семейный очаг должен быть ненарушим...

Вагин. Уходите вы...

Чепурной (сходит с террасы, идя на Егора). Ступай... ну? (Егору.) Кабы не было тут женщин, я бы вам обоим...

Трошин (уходя за Егором). Повинуюсь насилью... очень просто. (Скрывается за углом.)

Чепурной (возвращается на террасу). Вот зверюга...

Вагин. Однако и личико у вас было. Я zalюбовался... такая экспрессия!..

Протасов (выходит). Прогнали?

Лиза (быстро выходит, Чепурному). Он - не ударил? Он не тронул вас?

Чепурной. Эге! Это не просто...

(Елена и Мелания идут.)

Протасов. Черт знает что такое... Не буду больше давать ему работу!.. Вот даже руки дрожат... смотри, Лена!

Вагин. А он может убить...

Чепурной (усмехаясь). А что, коллега, они, вот такие хамы... и они тоже дети солнца?

Лиза (вдруг). Ты лгал, Павел! Ничего не будет... жизнь полна зверей! Зачем вы говорите о радостях будущего, зачем? Зачем вы обманываете сами себя и других? Вы оставили людей далеко сзади себя... вы одинокие, несчастные, маленькие... неужели вам не понятен ужас этой жизни?.. Ведь вы окружены врагами... повсюду звери!.. Нужно уничтожить жестокость... победить ненависть... Поймите же меня! Поймите! (С ней истерика.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Обстановка первого действия. Пасмурный день. В кресле у стены сидит Елена. Лиза возбужденно ходит по комнате.

Елена. Ты - не волнуйся...

Лиза. Я - больная, но мои мысли - здоровы!

Елена. Разве тебе говорят - нет?

Лиза. Я знаю, мои слова серы и пресны; вам скучно слушать их... вы не хотите чувствовать трагической правды жизни...

Елена. Ты много преувеличиваешь...

Лиза. Нет! Взгляни на ту пропасть, которая отделяет тебя от твоей кухарки...

Елена. Разве она исчезнет оттого, что я встану на край ее и буду плакать, дрожа от страха?

Лиза. А разве можно жить спокойно, когда люди не понимают твоей души? Я не могу так жить... я боюсь тех, кто меня не понимает! Вот чем я больна... Елена, нужны жертвы! Ты понимаешь, нужно жертвовать собой...

Елена. Да... свободно, с радостью, в безумии восторга! Но насиловать себя - нет, Лиза! Это недостойно человека!

Антоновна (из столовой). Елена Николаевна...

Лиза (с досадой). Что тебе, няня?

Антоновна. Ну-ну-ну! Не тебя... Там хозяин пришел...

Лиза. Ах, ну пускай подождет... идите, няня! (Антоновна уходит.) Итак, я неправа?

Елена. Я не сказала этого...

Лиза. Ты понимаешь, как мы все одиноки?

Елена. Нет... я этого не чувствую...

Лиза. Просто ты не хочешь со мной говорить... Я всем надоела. Вы хотите жить, наслаждаясь и не замечая ничего грубого, страшного!

Елена. Как можно чувствовать насильно?..

Лиза. А ты... тебе - плохо жить! Но ты гордая и не хочешь сознаться в этом даже себе самой... Я ведь вижу твои отношения с Павлом...

Елена. Оставим это...

Лиза (с радостью). Ага! Видишь? Тебе больно, да?

Елена. Нет... но - неприятно!

Лиза. Тебе больно! Пусть! Это тебя оживит... Ты одинока, Елена!.. Ты несчастна...

Елена. Лиза, твоя радость - нехорошая радость! Чего ты хочешь?

Лиза. Чего я хочу? (Пауза. Со страхом.) Я не знаю... я этого не знаю! Я хотела бы жить и не умею... и не могу! Мне кажется, - я не имею права жить так, как я хочу... Я хотела бы родную душу иметь... родную душу! Мне надо отдохнуть от страха и - не с кем!

Елена (берет ее за руку). Прости меня, но разве Чепурной...

Лиза. Какое я имею право? ведь я больна, да? Вы все говорите это... о, вы часто это говорите! Слишком часто... Пусти меня... я не могу об этом... уйди! Пусти меня! (Быстро уходит к себе. Елена, глубоко вздохнув, ходит по комнате, закинув руки за голову. Останавливается перед портретом мужа, смотрит на него, кусая губы. Руки у нее падают.)

Елена (вполголоса). Прощай... (Антоновна идет.)

Антоновна. Можно теперь хозяину-то?

Елена. Да... хорошо...

Антоновна (уходя). Идите, Назар Авдеич...

Назар. Добренького здоровьица!

Елена (кивая головой). Вам что угодно?

Назар (ухмыляясь конфузливо). Видите ли, мне бы Павла Федоровича...

Елена. Он занят...

Назар. Мм... а с вами я уж не знаю как...

Елена. Скажите; я передам ему...

Назар. Предмет разговора не деликатный...

Елена. Как угодно...

Назар. Да уж все равно... Полиция приходила, извольте видеть, насчет запаха... насчет помойных ям и прочих мест...

Елена (хмуря брови). При чем здесь муж?..

Назар. Конечно, они не больше других... все грешны... Полиция, по случаю холеры, требует однако, чтобы запаху не было... она не вникает, что чему положено иметь запах, так уж оно его даст... и грозит штрафом даже до трехсот рублей.

Елена (с отвращением). Что вам угодно?

Назар. Я – совет хотел взять, не возможно ли попрыскать чем-нибудь химическим против запаха?

Елена (возмущенно). Послушайте, как вы... (Сдерживаясь.) Впрочем... я ему передам... до свидания!

Назар. Сейчас передадите?

Елена (уходя). Нянька ответит вам...

Назар (вслед ей). Чувствительно тронут... Ишь какая... гордионка! Подожди... я те хвост прижму! (Уходит. Из-за портьеры выходят Протасов и Елена.)

Протасов. И еще, Лена, пожалуйста, пошли, за Егором...

Елена. Снова – Егор?

Протасов. Но – как же без него обойтись, Лена? Он такой ловкий, быстро схватывает все... ты посмотри: он мне жаровню сделал – артистически! Изящная вещь! Какой тусклый день сегодня! Сеанса – нет?

Елена. Нет. И так, когда же можно поговорить с тобой?

Протасов. Пожалуйста, до вечера, да... Вечером я – свободен! Тебе скучно? А где же Дмитрий?

Елена. У него, должно быть, есть еще какие-то дела, кроме обязанности развлекать меня...

Протасов (не понял). Да... гм! Вероятно... А знаешь, последнее время я смотрю на тебя, и мне кажется – есть что-то новое в твоём лице... такое значительное... Елена. Да?

Протасов. Да, да! Ну, я – исчез, как дым...

(Уходит к себе.)

Фима (входит). Сударыня! Пожалуйста, отпустите меня...

Елена. Днем? Но кто же будет служить?

Фима. Совсем отпустите... расчет.

Елена. А, хорошо! Но прежде, прошу вас, позовите Егора...

Фима (твердо). Я к Егору не пойду-с...

Елена. Почему?

Фима. Так... не пойду-с.

Елена. Позовите няню...

Фима. Няня гулять пошла на кладбище...

Елена. Я отпущу вас, когда она придет... Пошлите мне дворника, можете?

Фима. Могу-с. Так уж вы сегодня мне расчет. (Уходит.)

Елена (вслед ей). Хорошо...

Чепурной (в дверь с террасы). А чего ж у вас двери не заперты? Добрый день!

Елена (подавая руку). Я не знаю... сегодня прислуга какая-то рассеянная...

Чепурной. Холеры боятся...

Елена. Говорят, она развивается?

Чепурной. А ничего... идет. Елизавета Федоровна дома?

Елена. У себя...

Чепурной. А как здоровенька?

Елена. Ничего... не особенно, по обыкновению...

Чепурной (озабоченно). Мм... Трагическая душа...

Елена. Борис Николаевич... простите меня, я мешаюсь не в свое дело, но - это очень важно...

Чепурной. Ага! Что именно?

Елена. Она говорила мне, что вы сделали ей предложение...

Чепурной (быстро). А как говорила?

Елена. То есть, что - как?

Чепурной. Ну, лицо какое? С гримасой говорила? С насмешкой, а?

Елена (удивляясь). Что вы?! С радостью...

Чепурной. Нет?... Верно?

Елена. Да, да! С такой тихой радостью... и так хорошо...

(В дверях с террасы - Роман.)

Чепурной. Я - дурак! Знаете, я осёл!

Роман. Это меня сюда звали?

Чепурной. Да никто тебя не звал... это я себя ругаю, чудаки!

Елена. Я его звала... Позовите слесаря, Роман...

Роман. Это – Егора?

Елена. Да...

Роман. Сейчас?

Елена. Да, да!

Роман. Ладно... (Уходит.)

Чепурной (радостно). Дайте мне вашу руку, а я ее... вот, поцелую! Сделали вы мне подарок... Вот оно... Откуда не ждешь, оттуда и бьет; так и беда, так и радость...

Елена. Позвольте... я не понимаю вас...

Чепурной. А, боже ж мой! Да как же! О том, что я ее замуж позвал, она вам с радостью говорила?

Елена. Да... уверяю вас!

Чепурной (победоносно). А все ж таки отказала мне!

Елена (улыбаясь). Простите... выходит смешно...

Чепурной. Да и смешно! Я, знаете, так и думал: не потому она за меня замуж не идет, что я ей противен, а потому, что она болезни своей боится...

Елена. Да, вы правы...

Чепурной. Теперь я знаю, что делать. Пойду к ней, как шар под гору... А! Какой случай?! Великая вещь случай, знаете!

Елена. Но – снимите ваш галстух... она не любит красного...

Чепурной (усмехаясь). А я нарочно надел, чтоб подразнить ее... Теперь уж все равно, красный или зеленый... все равно! Без галстуха не можно... (Идет.) Спасибо вам! (Егор в дверях столовой, растерянный, всклокоченный.) А! Знакомый... ну, давай руку! Помиримся! Вот так! Эх ты... Илья Муромец!..

Елена (Егору). Сейчас, я скажу...

Егор (глухо). Барыня, погодите...

Елена. Что такое?

Егор. Жена захворала...

Елена. Что с ней?

Егор. Тошнит...

Елена (тревожно). Давно?

Егор. С утра... Все вас зовет... Позови, говорит, барыню... а то издохну...

Елена. Что же вы не позвали?... Эх вы...

Егор. Стыдно было... Скандалил я тут...

Елена. Глупости... Я иду к ней...

Егор. Погодите – я боюсь...

Елена. Чего?

Егор. Может, холера...

Елена. Вздор! Бояться нечего...

Егор (просит и как бы требует). Елена Николаевна, вылечите ее!

Елена. Надо доктора... Вы поезжайте сейчас...

Егор. Не надо доктора... не верю я! Вы сами...

Протасов (выходит). Ага! Вы здесь, воин:

Елена (быстро). Павел, подожди! У него жена заболела...

Протасов. Вот видите, колотили вы ее...

Елена. Он думает, холера... Я иду туда, а ты...

Протасов (тревожно). Ты – туда? Нет, лена, пожалуйста... Почему ты?

Елена (удивлена). А почему – нет?

Протасов. Но, лена, если холера...

Егор (глухо рычит). Значит, помирай? Просто! Али мы не люди?

Елена. Перестаньте, Егор... Павел, как ты неловко...

Протасов. Что ты понимаешь, лена? Ты не врач. И это не шутка... это опасно!

Егор (злобно). А которые издыхают, тем не опасно?

Протасов (Егору). Прошу не рычать на меня!

Елена (укоризненно). Павел! Идемте, Егор.

Протасов. Я тоже иду... Это безрассудно, лена...

(Все трое – Егор впереди – идут в столовую. Слышны их голоса.)

Елена. Возвратись и позови по телефону карету.

Протасов. Нужен – доктор, а не ты! Что такое ты? (Возвращается, взволнован.) Что такое она, в данном случае? Нянька! Черт возьми! Меня не пустила... Фима! Или нянька! Вы умерли? Фима! (Вбегает фима.) Я кричу, как зарезанный... а вы изволите любоваться своей наружностью...

фима (обиженно). Вовсе нет, я ножи чистила...

Протасов. Бросьте ножи! Идите к Егору...

фима (решительно). Я туда не пойду-с...

Протасов. Почему? Там барыня...

фима. Все равно-с!

Протасов. Но – почему?

фима. Там холера-с!

Протасов (передразнивая). Ага! Холера-с! А вот барыня – пошла-с!

(Звонок.)

фима. Звонок-с!

Протасов. Да-с! Отоприте-с! (фима убегает. Протасов вслед ей.) С-с-с-с! Свистит, как змея... Да, телефон... черт! (Мелания входит.) А, это вы! Знаете новость: на

дворе у нас холера, – забавно! И Елена пошла лечить, а? Нравится вам это?

Мелания. Ай-яй-яй! И у вас – тоже. У соседа моего, полковника, повара вчера увезли... А Елена Николаевна – пошла туда!.. Зачем же это она!

Протасов. Неизвестно! Тайна сия велика есть...

Мелания. Как же вы ее отпустили?

Протасов. Как? Не знаю... Да, телефон... (Убегает к себе.)

Фима (из столовой). Здравствуйте, Мелания Николаевна!

Мелания (недоброжелательно). А... здравствуй, красавица...

Фима. У меня к вам большая просьба есть...

Мелания. Какая же это?

Фима. Замуж я выхожу...

Мелания. Так...

Фима. За почтенного человека... очень почтенный!

Мелания. Кто же это?

Фима. Сосед ваш...

Мелания (вскакивает, изумленная). Неужто – полковник?

Фима (скромно). Нет, где же мне! Кочерин, Василий Васильевич...

Мелания. Ах он, старый черт... тьфу! Да ведь ему скоро шестьдесят лет... В ревматизмах весь... И как ты,

Ефимья, решаешься? А впрочем, деньжищи... Эх ты, девушка... жалко мне тебя! Брось-ка... ну его и с деньгами!

Фима. Я уж решила... И все слажено...

Мелания. Да? Жаль. А от меня чего надо?

Фима. Как я сирота, из воспитательного, не пойдете ли вы в посаженные матери ко мне?

Мелания (показывает ей кукиш). Натё-ка, выкусите! Вы меня за сколько Елене Николаевне продали?

Фима (растерялась). Я-с?

Мелания. Да-с, вы-с! Что?

Фима (оправилась). Очень жаль... Я думала, как вы сами себя старику продали...

Мелания (подавлена). Как? Как – ты?..

Фима. А то, может, уж и мне поможете в этом же...

Мелания (глухо). Не смей!..

Фима (спокойно и жестко). Вы сами должны понять, что так себя устроить все же лучше, чем на улицу выходить... Хоть один будет, а не сто...

Мелания (в ужасе, тихо). Иди... иди вон... я тебе дам... я дам денег... иди! Иди прочь... дам!

Фима. Благодарю вас! Когда дадите?

Мелания. Уйди... нет со мной!

Фима. Я сегодня вечером приду к вам... Не обманите...

Мелания. Нет!.. Уйди, Христа ради!

(Фима, не торопясь, уходит. Мелания грузно валится в кресло и плачет и как-то рычит от боли.)

Протасов (из своей комнаты). Она не воротилась, нет? Что это вы? Что с вами?

Мелания (встает на колени). Святой человек, спаси рабу!

Протасов (изумлен). Как вы сказали? Встаньте... Зачем вы?

Мелания (обнимает его ноги). Утопаю в грязи... в подлости своей утопаю; подай руку! Кто лучше тебя на земле?

Протасов (испуган). Позвольте... так - я упаду! И - не целуйте брюки... что вы?

Мелания. Сделала я поступок, изгадила себе душу, - очисти! Кто, кроме тебя, это может?

Протасов (стараясь понять). Вы - сядьте... то есть, встаньте! Теперь сядьте, да! Что вы хотите?..

Мелания. Возьми меня к себе! Позволь около жить, только бы видеть тебя каждый день... слышать тебя... Я - богата, все возьми! Выстрой себе кабинет для науки твоей... башню выстрой! Взойди на высоту и живи... а я внизу, у двери, день и ночь буду стоять, и никого к тебе не пущу... Все мои дома, земли - всё продай... и всё возьми себе!

Протасов (улыбаясь). Позвольте... это однако идея! Черт побери! Какую можно устроить лабораторию!..

Мелания (рада). Да, да! И возьми меня, чтобы я всегда видела тебя... Не говори со мной, не надо! Только посмотри на меня иногда... только улыбнись мне! Была бы у тебя собака... ведь ты улыбался бы ей... ласкал бы ее иногда?.. Так вот я буду... вместо собаки!

Протасов (озабочен). Подождите... зачем же так? Это странно... не нужно! Я, знаете, сильно поражен... разве я мог ожидать, что вас так увлечет?..

Мелания (не слушая). Ведь я - глупая, я - тупая, как бревно! Книжки твои - не понимаю я... Ты думаешь, читала я их?

Протасов (теряется). Нет? Но - что же тогда?..

Мелания. Милый! Целовала я книжки... Взгляну в нее, а там такие слова, никто, кроме тебя, и понять их не может... И целую...

Протасов (смущен). Вот отчего пятна на переплетах... Но - зачем же целовать книги? Это уж какой-то фетишизм...

Мелания. Пойми, люблю тебя! Так хорошо около тебя, чисто, ясно! Божий человек, люблю тебя...

Протасов (негромко, пораженный). Позвольте... то есть, как это?

Мелания. Как собака! Не могу я говорить, молчать могу... и много лет молчала, а у меня с души кожу сдирали...

Протасов (у него возникает надежда, что он ошибся). Вы... извините меня! Я не могу поймать вашу основную мысль... Может быть, вам... более удобно поговорить об этом с Леной?

Мелания. Говорила я с ней... Прекрасная она... она знает, что ты не любишь ее...

Протасов (вскочив). Как – не люблю? Ишь вы...

Мелания. Она – все знает, все чувствует... хорошая она! Но – зачем два огня вместе? Она – гордая...

Протасов (снова теряется). Знаете, все это... такая путаница! То есть, никогда я не чувствовал себя так нелепо...

Мелания. А как буду я с тобой... как будешь ты моим...

Протасов (немного раздражен). Что-о? Как это – моим?

(Смотрит на нее и негромко, почти со страхом.) Мелания Николаевна... нужно объясниться! Вы извините меня... я ставлю вопрос прямо... Вы, может быть, влюбились в меня?

Мелания (тоже несколько секунд смотрит на него и – упавшим голосом). А про что же я говорю... родной мой! Про это я и говорю.

Протасов. Да?... Извините... я думал... я думал, вы не так...

Мелания (тихо). Так, что вот обезумела...

Протасов (нервно бегая по комнате). Я, конечно, очень благодарен... очень тронут... Но, к сожалению... ведь я – женат... нет, не то! Видите ли... сразу это нельзя разрешить... да! Но, знаете, не нужно, чтобы это знала Лена... мы уж как-нибудь одни разберемся...

Мелания. Да она знает...

Протасов (почти с отчаянием). Что – знает?

(Чепурной и Лиза идут сверху по лестнице. Молча проходят через комнату на террасу. Чепурной – угрюмо спокоен. Лиза – взволнована.)

Мелания (тихо). Ой, идут! Тише... брат!

Протасов (сестре). А... гм! Вы... идете?

Чепурной (глухо). Идем...

(Пауза.)

Протасов (очень искренно и просто). Мелания Николаевна! Согласитесь, тут такое исключительное положение... невозможное положение... Вероятно, я вам смешон... и это обижает вас... Но, милая, хорошая моя... это так странно и – так не нужно мне!

Мелания. Не нужно?

Протасов. Нет!.. Простите меня... И я должен сказать все это Лене... И – потом – я уйду... она все там еще... это меня беспокоит... И я не могу не сказать ей... Вы не сердитесь... (Идет к себе. Мелания – тихо за ним... Потом возвращается, растерянная, жалкая.)

Мелания (про себя). Не дошло до него... Стыд-то какой...

(Елена входит в дверь с террасы.) Милая вы моя! Пожалейте дуру...

Елена. Что такое? Вы... сказали Павлу?

Мелания. Все сказала...

Елена. И – он? Что же?

Мелания. Все слова мои... вся любовь моя – все упало, как пыль на воду...

Елена (просто, искренно). Мне больно за вас... Что он говорил?..

Мелания. Не знаю... Ничего не пристало к нему... не дошло ему до сердца! Видно, огонь грязью не запачкаешь... На колени становилась я... не понимает...

Елена. Я говорила вам – подождите! Сначала нужно было мне спросить его...

Мелания. А я про вас подумала: обманет... Всё я отдавала ему... все деньги, цену души моей, на поругание проданной... не принял! Кто еще не принял бы? Только он...

Протасов (выходит со шляпой в руке). Елена, – ванну! Немедленно! И все долой с себя, в печку! Фима!.. Ванну! Эта фима, черт бы ее побрал, миф какой-то, а не горничная...

Елена. Не суетись так... Ванна – готова, и я все сделаю.

Протасов. Иди! Пожалуйста... Холера – это не шутка...

Елена (уходя). Иду, иду...

(Протасов, проводив жену, боязливо, исподлобья смотрит на Меланию. Она сидит, как виноватая, низко опустив голову.)

Протасов (ходит). Д-да... какой сегодня пасмурный и вообще... неприятный день!

Мелания (тихо). Да...

Протасов. Да. И эта холера... так несвоевременно...

Мелания. Действительно... вдруг...

Протасов. А тут еще у меня холодильник сломался...

Мелания. Павел Федорович, простите меня!

Протасов (опасливо). То есть, как это? Что именно вы хотите сказать?..

Мелания. Забудьте все... все, что говорила я вам... Забудьте!

Протасов (радостно). Нет, – серьезно?

Мелания. Серьезно... Глупая... дерзкая я...

Протасов. Мелания Николаевна! Я вас очень люблю... то есть, уважаю! Вы удивительно непосредственный и цельный человек! Вы так горячо интересуетесь всем... Но – голубушка моя! – это лишнее... то есть, все, что вы говорили мне, это не нужно! Будемте добрыми друзьями... вот и все! Все люди должны быть друзьями... так?

Мелания. Стыдно мне смотреть на вас...

Протасов. Оставим это... Вашу руку!.. Вот чудесно! Нет, знаете, как хороши люди! Сколько в них простоты, ума и такой славной способности понимать друг друга... Люблю людей, – изумительно интересные существа!

Мелания (усмехаясь). Я не видала людей-то... я среди торговцев жила... муж у меня мясом торговал... Вот только у вас увидела, что люди есть... и сейчас же покупать стала...

Протасов. Как вы говорите?

Мелания. Не слушайте меня... так это я...

Протасов (оживленно). Знаете что? Давайте выпьем чай?!

Мелания. Хорошо... Я к Елене Николаевне пройду... оправлюсь хоть...

Дети солнца. Максим Горький gor.ki.u.ta.hi.m.ru

Протасов. А я – распоряжусь насчет чая! У меня, знаете, холодильник сломался, черт его возьми, а у Егора – жена заболела; починить некому, и я сегодня – не могу работать... (Смеется, идет к себе.)

Мелания (вслед ему, с глубоким чувством). Дитя ты мое милое... дитя мое прекрасное... (Идет к Елене. Антоновна из столовой, раздраженная. Ворчит.)

Антоновна. Как Мамай прошел по дому... натека, поглядите! Разбросано все, растворено... Уйти нельзя... Только у мертвеньких и порядок... на кладбище-то... Только там, видно, и покой... (В дверь с террасы входят Лиза и Чепурной.) Лизонька, лекарство и молоко... Лиза (раздраженно). Молчи! Иди...

Антоновна. Натек-ка! (Уходит.)

Чепурной. Значит, кончено?

Лиза. Да, Борис Николаевич!.. Больше ни слова об этом, никогда!

Чепурной. Так... Я ведь сегодня потому заговорил, что, показалось мне, ошибаетесь вы...

Лиза. Нет! Не болезнь мешает мне... я не боюсь се... Но – не могу я... не хочу я иметь детей... Никто не спрашивает себя, зачем рождаются люди? Я спросила... Для личной жизни – нет места на земле тому, кто не имеет силы всю жизнь земли сделать личной, своей... Так вы – уедете, да?

Чепурной (спокойно). Хорошо...

(Вагин идет с террасы.)

Лиза. Вам лучше будет... И не носите красных галстуков... это вульгарно! Как мне жаль, что именно сегодня вы – в красном:

Вагин. Вот день! Точно в октябре...

Чепурной. Денек задался скверный.

Лиза. Вы куда думаете ехать?

Чепурной (спокойно). Я? А в Могилевскую губернию...

Лиза (тревожно). Почему... именно в эту?

Чепурной. У меня там знакомых много...

Вагин. Уехал в Могилевскую губернию, – так каламбуристы говорят иногда о покойниках...

Лиза (вздрагнув). Что это вы? Фуй...

Вагин. Вы испугались каламбура? Уж не думаете ли вы, что Борис Николаевич – умрет? Разве только застрелится...

Лиза (укоризненно и тревожно). Зачем вы говорите так?

Вагин. Спешу успокоить вас: не знаю случая, чтобы ветеринар застрелился...

Антоновна (из столовой). Лизонька, иди чай наливать...

(Лиза молча идет.)

Вагин. Грешный человек, люблю позлить ее... Интересничает она своей скорбью о мире... Скучнейший народ эти страдальцы за муки мира... И мне органически враждебно все нездоровое...

Чепурной. Что ж вы ту картину – "К солнцу идут" или как оно? – будете писать?

Вагин. Непременно! Великолепная тема, а? Кстати – мне нужно бы вас для нее...

Чепурной (удивлен). Меня? Где ж мне там место? На дне корабля?

Вагин (всматриваясь). У вас над глазами есть одна такая упрямая складка... это очень характерно! Вы ничего не будете иметь, если я сейчас схвачу ее?

Чепурной. Хватайте...

Вагин (вынимает альбом). Роскошно... я - в минуту!

(Рисует.)

Чепурной. Вы анекдоты любите?

Вагин. Очень! Если они не глупые...

Чепурной. Так вот я вам расскажу один...

Вагин. Пожалуйста... А я, когда рисую, молчу...

Чепурной. Я слышу, как вы молчите... Вот оно как было: когда-то через Ламанш, из Дувра в Кале, ехало английское посольство, и был на корабле француз. Хвастались, кто лучше: англичане или французы? Англичане говорят: мы везде! А француз говорит: нет! В этом проливе наших дипломатов много утонуло, а вот английских - ни одного! Тут молодой англичанин из посольства прыгнул за борт - гоп! - и утонул...

Вагин (после паузы). Ну? И что же?

Чепурной. Больше ничего...

Вагин. Это - весь анекдот?

Чепурной. Весь... Чего ж вам? Захотел человек поддержать честь нации и - утонул!

Вагин. Ну, знаете, ваш анекдот хоть и морской, а не солон...

Чепурной. А хорошо вы галстух завязываете...

Вагин. Нравится? Это одна дама научила...

Чепурной. И цвет хороший...

Протасов (входит). Здесь рисуют? А Лена ещё не выходила? Знаешь, Дмитрий, она сегодня возилась с холерной...

Вагин. Что-о?

Протасов. Да, да! С женой моего слесаря! Каково?

Вагин. По меньшей мере, неразумно! И как ты позволил?

Елена (выходит). Разве мне можно не позволять?

Вагин. Но ведь это же... не ваше дело!

Елена. Почему? Если я хочу его делать, значит, мое...

Вагин. Вы и... черт знает что!

Протасов. Нет, она молодец! Хотя я боялся за нее... Ты выпила капли, да?

Вагин (кончил рисовать). Вот и все... спасибо!.. Славная это черточка у вас...

Чепурной. Очень рад...

Лиза (из столовой). Идите же пить чай!

Дети солнца. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Вагин. Идем! (Берет под руку Чепурного, идут.)

Протасов (вполголоса). Лена, мне что-то нужно сказать тебе...

Елена. Сейчас?

Протасов (торопливо). Да! Знаешь, случилось что-то чрезвычайно нелепое! Мелания Николаевна – она ушла?

Елена (улыбаясь). Ушла...

Протасов. Ты подожди, не смейся! Она, кажется, знаешь, влюбилась в меня! Самым обыкновенным образом, – как это нравится тебе? Ей-богу, я – не подавал ей повода, Лена... чего ты смеешься? Нужно отнестись к этому серьезно... это так неприятно, если бы ты знала! Она тут плакала, поцеловала мне брюки... и руку, вот эту...

Елена (смеясь). Перестань, Павел:

Протасов (немного сердится). Ты меня удивляешь! Я же говорю, она серьезно. Она предлагала мне все свои деньги... хочу, говорит, жить с тобой! Понимаешь, говорит мне "ты"! Не подумай, пожалуйста... я не давал ей прав на это... И от нее почему-то пахнет селитрой... чего ты?

Елена (смеясь). Я не могу... это смешно... ты – смешной!

Протасов (несколько обижен). Почему? Это – тяжело, а не смешно... это нелепо! Я так испугался... что-то говорил ей, а в голове у меня все перевернулось кверху ногами... Она очень серьезно, заметь! Да, – она говорила еще, что ты все знаешь, но что именно, – я не понял... Сначала я не хотел тебе говорить об этом...

Елена (ласково). Я все знаю... славный ты мой!

Протасов. Знаешь? Как же... что же ты меня не предупредила...

Елена (как бы вспомнила что-то и – сухо). Давай оставим это до вечера...

Протасов. Да, хорошо... я хочу чаю... Но если ты знаешь, я рад! Значит, ты сама и распутаешь все это, – да?

Лиза (из столовой). Лена! Пойди сюда...

Елена. Иду...

Протасов. Так уж ты возьми все это на себя...

Елена. Хорошо... не беспокойся!.. Идем...

(Идут.)

Протасов. Знаешь, когда я поднимал ее с пола, то подмышками... (Доканчивает шепотом.)

Елена. Фи, Павел! Как грубо...

(Сцена несколько секунд пуста. Из столовой доносится говор и звон посуды. Выходит Чепурной – со словами: "Ну, я здесь покурю"... Проходит к окну, заложив руки, за спину. Вынимает изо рта папиросу, смотрит на нее и вполголоса поет.)

Чепурной. "Ночевала тучка золотая..." (Голос у него вздрагивает и срывается.)
Э-гм... "Но-очевала тучка золотая..."

Вагин (выходит). "На груди утеса великана..." И меня изгнали, – не велят курить...

Чепурной. Так вы любите анекдоты?

Вагин. У вас есть еще один скучный?

Чепурной. Я вам другой сочиню... А теперь - пойду себе до дому...

Вагин. А когда же анекдот?

Чепурной. Завтра! Дождь идет... Чи бул у меня зонтик, чи не бул? - как говорил, бывало, Гамлет, принц датский... Прощайте!

Вагин (задерживая его за руку). Вы куда-то уезжаете, я понял?

Чепурной (усмехаясь). Да, еду... Надо поехать...

Вагин (тоже улыбаясь). Ну, счастливой дороги! Вы мне почему-то очень понравились сегодня...

Чепурной. Спасибо...

Вагин. Вы сегодня похожи на влюбленного... скажите, вы влюблялись когда-нибудь?..

Чепурной. А как был студентом, то к хозяйке моей квартиры слабость имел, и даже объяснил ей это...

Вагин. Красивая?..

Чепурной. Это трудно было понять... она уже лет пятьдесят имела в то время... А когда я объяснил ей, она за квартиру три рубля в месяц лишних накинула.

Вагин (смеясь). Серьезно?

Чепурной. Да уж так... Ну... прощайте ж! (Смеясь, уходит в столовую. Вагин задумчиво смотрит вслед ему, потом ходит по комнате, курит, мурлычет что-то и потряхивает головой. Антоновна - из комнаты Елены.)

Антоновна (ворчливо). А я думала, - это тот выхаживает...

Вагин. Кто - тот?

Антоновна. Хохол. Где он?

Вагин. Ушел домой...

Антоновна. Только и знает: придти, чаю попить да уйти... А девушка истомилась вся... ночей не спит... Хоть бы вы ему сказали, что ли уж...

Вагин. Какая девушка? Почему она не спит? И что надо сказать девушке?

Антоновна. А ну вас... Одна у нас в доме девушка... Она в годах... чего ее без толку тревожить? И так вся изболела... А вы все тут ходите да разговариваете, и никому нет дела, что человеку так, может, трудно, хоть руки на себя наложить... (Идет в столовую.)

Вагин (крепко потирает лоб, задумывается, потом встряхивает головой, как бы приняв некое решение).

Протасов (с книгой в руке). Вот я...

Вагин (неприятно). Какое у тебя самодовольное лицо!

Протасов (удивлен). Ты за этим звал меня?..

Вагин. Мне нужно поговорить с тобой...

Протасов (зевает). А-а... Сегодня все хотят говорить со мной... Я уже много слышал необычного, и - ни одного слова путного...

Вагин. Вот я тебе скажу нечто путное...

Протасов (смотрит в книгу). Не будь самонадеян...

Вагин. Положи книгу...

Протасов. Куда? То есть, зачем?

Вагин. Куда-нибудь... Дело вот в чем... я люблю Елену Николаевну...

Протасов (спокойно). Вот удивил! Как же ее не любить?

Вагин. Я люблю ее, пойми! – как женщину...

Протасов (спокойно). Ну, и что ж? (Спохватившись, вскакивает.) А... а она? Она – знает? Ты сказал ей? Что она ответила?

Вагин. Да... она знает...

Протасов (тревожно). Ну? Что ж... она ответила?

Вагин (смущенно). Ничего... определенного... пока...

Протасов (рад). Ну, конечно! Я же знал это... разумеется...

Вагин (сдержанно). Подожди... дело, собственно, в том, что ты скверно относишься к ней...

Протасов (изумленно). Я? Как? Когда?

Вагин. Ты – игнорируешь ее... Ты убил в ней любовь к тебе...

Протасов (испуган). Это... она говорит?

Вагин. Это я говорю...

Протасов (обиженно). Позвольте, господа! Что вы сегодня – с ума все сошли? Один говорит: я не люблю Лену; другой: она меня не любит... что это такое? Вы совершенно невменяемы... и с вами, наконец, потеряешь голову! А она молчит... она – не говорит! При чем здесь вы? Ничего не понимаю!

Вагин. Павел, мы с тобой друзья с детства... я люблю тебя...

Протасов. Если можешь, прибавь к твоей любви немножко деликатности... да! И предоставьте вы человеку право говорить самому за себя... самому отстаивать свою свободу, свое достоинство... Когда он умеет делать это, он сделает лучше вас...

Вагин. А если – не умеет?

Протасов. Черт с ним тогда! Разве это человек?

Вагин. А – не хочет?

Протасов. Не хотеть – невозможно... Ты, Дмитрий, извини меня! Как все художники, ты несерьезен... Еще вчера ты молчал, а сегодня – вдруг! – я люблю ее...

Вагин. С тобой нельзя говорить... Впрочем, я сказал все, что нужно было... Я – ухожу...

Протасов. Нет, подожди... я позову Лену... Лена!

Вагин (тревожно). Что ты? Зачем?

Протасов. Зачем? Лена! Пусть она при тебе скажет, в чем дело. Лена же! (Елена выходит.) Елена – вот! И он тоже, как эта Маланья, оказывается, влюблен... да! Но – он уже в тебя...

(Елена вопросительно и строго смотрит на Вагина.)

Вагин (волнуясь). Ну, да... что же? Я сказал ему, что люблю вас... что вам

тяжело с ним...

Елена. Благодарю вас... Это так порывисто... и так молодо... очень молодо!..

Вагин (оскорблен). Я не заслужил иронии. Я не хочу враждебного чувства к Павлу... а оно зарождалось... Пускай я сделал глупо, бестактно, грубо... но мной руководили чувства товарища... и любовь... Я поддался порыву, который вызвали в душе моей слова няньки... мне захотелось чего-то... хорошего для вас, Елена Николаевна... И между такими людьми, каковы мы, все должно быть просто и ясно...

Елена. Я благодарю вас...

Протасов. Я ведь ничего не сказал обидного для тебя, Дмитрий?

Вагин. Нет! Я - уйду... до свидания...

Елена. Вы придете завтра... да?

Вагин (уходит). Да... вероятно...

Протасов (вопросительно смотрит на жену). Ну, лена? Что это? Как ты относишься к этому?

Елена. А - ты?

Протасов. Хорошо, что ты спокойная такая... ф-фу! Вот день! Он объяснялся с тобой?

Елена. Да, объяснялся...

Протасов. Говорил, что любит и прочее?

Елена. Именно это и прочее...

Протасов. Ишь, какой... художник! Ну, а ты что же говорила?

Елена. Много... разное...

Протасов. Но - ты сказала ему, что любишь меня?

Елена. Нет, не сказала...

Протасов. Это - напрасно. Надо было сказать... нужно было сразу сказать: я люблю Павла, то есть мужа! После этого он, разумеется, должен был бы... мм... н-да! Ну, это я уж не могу решить, как бы он поступил в данном случае... да это, в сущности, и неважно!..

Елена. А что, по-твоему, важно?

Протасов. Чтобы подобный факт не повторялся...

Елена. Павел! Ты говорил о нем и кое-что даже пытался решать за него... ты выразил желание, чтобы... все это впредь не тревожило тебя... а где же я?

Протасов (беспокойно). То есть как? Что ты хочешь сказать?

Елена. Немного. Я чувствую, что не нужна тебе. В твоей жизни я не играла никакой роли. Ты далек и чужд мне. Кто я для тебя? Ты никогда не спрашивал, чем я живу, что думаю...

Протасов. Не спрашивал? Но... мне некогда разговаривать, лена! И почему ты сама не сказала...

Елена (гордо). Я не хочу просить, как нищая, того, что я должна иметь по праву моему, человека и жены твоей... Я не могу просить, а требовать я не хотела... зачем насилие?..

Протасов (с отчаянием). А, черт возьми, как это тяжело! Как ненужны все эти

Дети солнца. Максим Горький gorkiymaxim.ru
недоразумения... объяснения... как они обидны!

Елена. Ты – не волнуйся. Видишь ли, я решила уйти от тебя... решила это твердо, и мысленно уже простилась с тобой...

Протасов (поражен). Лена – нет! Куда уйти? Зачем? Ты... любишь Дмитрия? Да? Да?

Елена. Нет. Не так, чтоб быть его женой...

Протасов (радостно). Как это хорошо! Но все-таки меня-то ты уже не любишь? Скажи! Скорее, Лена!

Елена. Зачем тебе знать это?

Протасов (искренно). Ах, да ведь я тебя люблю...

Елена. Полно, Павел...

Протасов (убежденно). Честное слово, Лена! Но мне так некогда... Послушай, ведь это несерьезно у тебя!.. Я понимаю, ты обижена... прости, извини, забудь! Ведь если ты уйдешь, я буду думать, где ты, что с тобой... а мои работы? Ты меня изувечишь, Лена... как же мои работы? Ведь или работать, или думать о тебе...

Елена (с горечью). Проверь свои слова: ни слова обо мне... ни одного слова, мой друг!

Протасов (опускаясь на колени). Как ни слова? Да я же говорю, что не могу жить без тебя!.. Лена, пусть я виноват, – прости меня! Не мешай мне жить... жизнь – коротка, а в ней так много интересной работы!

Елена. А для меня? Что в ней есть для меня? (Прислушиваясь.) Подожди...

(На лестнице шаги, торопливые и громкие. Протасов пугливо вскакивает. Сбегают Лиза, ее глаза широко открыты и в них – ужас. Шевелит губами, делает знаки руками, – не может говорить.)

Протасов. Лиза! Что ты?

Елена. Воды! Дай воду!

Лиза. Нет! Послушайте... сейчас случилось несчастье... Поверьте мне, я знаю... такая тоска, вдруг... сердце точно умирает! Случилось несчастье где-то... с кем-то близким...

Елена. Полно, успокойся... тебе почудилось...

Лиза (кричит). Поверьте мне... поверьте! (Падает на руки брата.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Обстановка второго действия. Полдень. Позавтракали, подан кофе. Роман, в красной рубахе, чинит решетку сада. Луша, стоя у террасы, смотрит на него. В комнатах смеется Протасов.

Луша. Ты какой губернии?

Роман. Рязанской.

Луша. А я – калужская...

Роман. Ничего... что же?

Луша. Страшный ты больно...

Роман (ухмыляется). Чего – страшный? Что борода? Это ничего! Я вдовый... жениться надо...

Луша (подходя ближе). А правду в лавочке говорили, будто барин-то мой чернокнижник?

Роман. Может, и чернокнижник... Господа – они способные...

Луша. Боюсь я... больно они все ласковые... такие ласковые, – будто и не господа!

Роман. Вот тоже, которые деньги фальшивые делают...

Луша. Ну?

Роман. Ну, ничего... В каторгу за это их...

(Протасов и Лиза выходят из комнат.)

Протасов. Вот и чудесно! Пей свое молоко...

Лиза (с гримасой, устало). Зачем этот мужик в красном?

Протасов. Так ему нравится... Знаешь, Лена – это такая славная, умная женщина...

Лиза (мешает ложкой молоко). Да?

Протасов (ходит по террасе). Да, Лиза, да! Поверь мне... А это вот новая горничная... вот какая! Вас как зовут?

Луша (робея). Нас? Лукерьей...

Протасов. Ага... Лукерья... гм! Вы – грамотная?

Луша. Нету... Молитвы знаю...

Протасов. А... вы – замужняя?

Луша. Нет еще... девицы мы...

Протасов. Вы, очевидно, прямо из деревни?

Луша. Прямо... мы прямо...

Протасов. Это хорошо... ну, вот, живите у нас... мы люди простые... у нас, знаете... забавно!

Лиза (улыбаясь). Какой ты всегда смешной, Павел...

Протасов. Смешной? Ну, что ж!.. Знаешь, Лиза, вот и Лена говорит тоже... ты, вообще, права... Мы все действительно далеко стоим от простых людей... и надо что-то делать, надо, чтоб они подошли ближе к нам... Елена прекрасно говорила об этом... так просто, доказательно... Я – поражен, такое богатство ума и сердца было около меня, а я не знал! И не умел пользоваться. Во мне, очевидно, есть что-то тупое, ограниченное...

Лиза. Полно! Просто ты не замечаешь людей...

Протасов. Да, да! Что-то есть. Вчера, когда мы тебя уложили, я часа три говорил с Леной... Потом мы... послали за Дмитрием... Ты знаешь, он... ах, да об этом не надо говорить...

Лиза. О чем?

Протасов. Да... там... Дмитрий будто бы влюбился в Елену... то есть, это он же сам и говорит... Но я ему не верю... и она тоже... Елена великолепно говорила с ним... знаешь, как умная и любящая мать... И это было трогательно... так что все мы плакали... Знаешь, Лиза... как легко и приятно жить, если люди понимают и уважают друг друга! Мы все трое будем друзьями...

Лиза (горько). Трое? А я?

Протасов. И ты, конечно! Разумеется, и ты... Мы все, Лиза, будем друзьями, будем работать, накопим для людей много сокровищ чувства и мысли, и, гордые сознанием, что вот мы – мы – сделали много важного и нужного для людей, уйдем из жизни, приятно усталые, спокойно примиренные с необходимостью уйти... Как это славно, Лиза! Как это ясно, просто!..

Лиза. Люблю, когда ты говоришь так... люблю тебя, и жизнь мне кажется такой, как ты ее рисуешь, – простой, красивой... Но когда я – одна... а я всегда одна...

Протасов. Не надо быть грустной, Лиза, а? Вчера тебе представилось... это все только больные нервы...

Лиза (пугливо). Не говори мне о болезни! Не говори... Дайте мне забыть ее... Мне это нужно, необходимо... Довольно... я тоже хочу жить... я имею право жить!

Протасов. Ты – не волнуйся... (Идет Елена.) Вот и Лена... вот моя Лена, мой добрый и немножко... суровый, строгий друг...

Елена. Ну, полно... не надо. (Указывает глазами на Лизу.)

Лиза (нервно). Елена! Ты ведь его любишь, да?

Елена (смущаясь). Ну да, конечно...

Лиза. Как я рада!.. А мне казалось...

Елена. Мне бывало порой тяжело... безумно тяжело! Ведь этот господин незаметно для себя и вовсе не желая – так может оскорбить...

Лиза (возбужденно). Подожди!.. Я – тоже... я люблю Бориса Николаевича... Вчера я ему отказала... совсем, совершенно! А вечером мне вдруг почудилось, что с ним... произошло какое-то несчастье... какой-то ужас... с ним! Он ведь всех ближе мне... ближе всех вас!.. И вчера я узнала, что люблю его... что он мне нужен... и я не могу без него!..

Назар (кричит где-то на дворе). Роман!..

Роман (негромко). Чего?

Лиза. Он такой... упрямый! Ведь он славный... да?

Елена (целуя ее). Милая Лиза... желаю тебе счастья... немножко счастья – это так нужно всем нам...

Лиза. Какие у тебя горячие губы...

Протасов. Ну – поздравляю! Это, ты увидишь, – чудесно подействует на тебя! Нормальная жизнь – это очень важно! И Чепурной... он мне нравится!.. Он – несравненно умнее своей сестры...

Назар (кричит). Роман, черт!

Роман. Я говорю – чего?

Лиза. Теперь я спокойна... Мы с ним уедем в степь куда-то... он любит степь... Мы будем с ним одни – совсем одни! – ходить по зеленой пустыне... и все будет видно вокруг нас... все и – ничего!

Назар (выходит из-за угла дома). Роман! Я тебя зову или нет?

Роман. Я слышу... чего же?

Назар. Облом! Запри, ступай, ворота и калитку... Мое почтение, Павел Федорович!.. Как здравствуете?..

Протасов. Великолепно!.. Что это вы запираете?

Назар. Не слышали разве? Волнение идет в народе... по случаю болезни этой... народ так понимает, что болезни вовсе нет... а, дескать, господина доктора для практики... стараются...

Протасов. Какая дикая ерунда!..

Назар. Конечно-с... известно - народ! Так о нем и выражаются - подлый народ! Выдумывает все, по дикости своей... дескать, докторов много, работы - нет им... ну они и - того... На всякий случай - для охраны имущества и покоя - я и велел ворота запереть...

Протасов. Нет, положительно только у нас возможна подобная нелепость!

Назар. Что и говорить... Вчера будто одного доктора помяли...

Лиза. Какого? Фамилия... вы не знаете фамилии?

Назар. Не знаю-с...

Елена. Лиза!.. Что ты? Ведь Борис Николаевич не доктор...

Лиза. Да... он не доктор...

Елена. Идем отсюда... (Уводит ее в комнаты.)

Назар. Напугал я барышню-то... Павел Федорович! А что, господин Чепурнов не говорил с вами?..

Миша (является из-за угла). Папаша! Там подрядчик пришел... Честь имею!

Протасов. Здравствуйте...

Назар. А я скажу - до приятного свидания! (Уходит.)

Миша. Приятный день... не жарко...

Протасов. Да... приятно!

Миша. Позволю себе спросить вас: девушка у вас служила, - ушла она?

Протасов. Да, ушла...

Миша. Говорят, замуж она выходит, и будто за богатого?

Протасов. Не знаю... как мне знать?

Миша. А что она была - честная девушка?

Протасов. Безусловно! Только - неловкая... Очень много била посуды...

Миша. Н-да... скажите! Гм... А что, Павел Федорович, папаша мой ничего с вами не говорил о химическом заводе?..

Протасов (удивленно). О заводе? Нет! О каком, собственно, заводе?

Миша. А видите ли, есть у нас идея: выстроить химический завод, а вас взять управляющим...

Протасов. Позвольте... как это - взять? Что я - мешок? Вы несколько странно выражаетесь...

Миша. Пардон! Но - дело не в слове... оно глубже... Мы - то есть я и папаша - относимся к вам лично с большим вниманием...

Протасов (сухо). Весьма тронут...

Миша. Средства ваши нам известны, и мы знаем, что вскорости вам, вероятно,

дети солнца. Максим Горький gorkiymaxim.ru
придется место службы искать... А служить – это так трудно... тем более – вам...

Протасов. Гм... да! Вы, пожалуй, правы...

Миша. Вот я и папаша, оценив ваши способности и знания, видя, что вы человек для компании удобный, решили сделать вам такое предложение: составьте нам смету на оборудование завода...

Протасов. Но – позвольте! – я совершенно не умею составлять смет... никогда не составлял! И техническая химия меня не интересует... Я очень благодарен за вашу любезность...

Миша. А техникой не интересуетесь?

Протасов. О, нет... это скучная вещь... это не для меня!

Миша (смотрит на него, сожалея). Вы – серьезно?

Протасов. Совершенно серьезно...

Миша. Очень жаль... Но вы – на мой взгляд – должны будете передумать... а пока – до свидания! (Уходит. Елена идет из комнат.)

Елена (тревожно). Павел...

Протасов. Что?

Елена. Мне кажется, Лиза серьезно заболела...

Протасов. Ну, это у нее всегда так после припадков... ничего! А я сейчас говорил с этим... сыном домохозяина... Такой антипатичный малый и представь себе! – обнаружил прямо-таки трогательное внимание ко мне...

Правда, в форме несколько грубой... но все-таки – предлагает составить какую-то смету и вообще...

Елена. И вообще хочет использовать тебя как орудие для своего обогащения... Я знаю их намерения, старик говорил со мной... Что это – тебе холодно?

Протасов. Почему? Нисколько!

Елена. Зачем же ты надел галоши?

Протасов (смотрит на ноги). Действительно... галоши! Когда это я их надел? Странно... Я не знаю, право, как это они...

Елена. Может быть, это новая горничная так подала тебе обувь... а ты не заметил...

Протасов. Да – ты ее, пожалуйста, не пускай ко мне... я ее – боюсь, она такая дикая! Еще перебьет у меня всё... или обольется чем-нибудь... Утром я застал ее: мочит себе голову перекисью водорода, – очевидно, думала, что это одеколон... (Берет ее за руки.) Милая моя Ленка, как ты меня вчера... измучила!

Елена. В несколько минут? А я мучилась месяцы-годы...

Протасов. Ну-ну, не надо...

Елена. Если б ты знал, как унизительно любить, когда не чувствуешь твоей любви! Ты делал из меня нищую... заставляя меня ждать твоего внимания и ласки... как это обидно – ждать ласки!.. Твоя душа – такая светлая... милая твоя голова много думает о великом, но мало о лучшем из великого – о людях...

Протасов. Все это – прошло, Лена!.. Все уже прошло... Только вот... Дмитрий... мне, право, жаль его... Кто-то звонит... ага! Ворота заперты! Вероятно, Дмитрий... я бы хотел, чтоб это был Чепурной... ради Лизы, конечно!

Елена (плутовато). Ради Лизы? да?

Протасов. Ну, Лена... неужели ты меня подозреваешь в ревности и... прочее...

Елена (торжественно). О, конечно, нет! Ты? Ты, для которого, кроме науки...

Протасов. Вдруг я тебя побью, Ленка, а? (Хочет поцеловать ее. Видит к террасе идет Мелания. Сконфужен. Говорит озабоченно.) Ты, Лена... пришла... и у тебя на плече какое-то перо...

Мелания (улыбаясь виновато). Здравствуйте...

Протасов (преувеличенно рад). Мелания Николаевна! Вы... вас так давно не видеть!

Мелания. Где же давно? Вчера была... а вы уже запомнили это?

Протасов. Ах... да! Нет, как же... я помню...

Мелания. А я думала, вы посмеетесь надо мной за вчерашнее-то...

Протасов (торопливо). Ну, что вы! Это – пустяки! (Спохватился.) То есть я хотел сказать, это с каждым может случиться... (Окончательно теряется.)

Елена. Ты уж лучше не говори, Павел...

Мелания (любовно и грустно). Эх вы...

Протасов. Д-да! я уж... не буду! Пойду... сниму галоши... Черт знает, зачем они?

Мелания (грустно усмехаясь). Вот он – пустяки, говорит... Я всю душу перед ним открыла... а он – это, говорит, со всяким может случиться... точно я на мозоль наступила ему!

Елена. Не обижайтесь на него, Меланья Николаевна!

Мелания (искренно). Голубушка моя! Мне ли обижаться на него? Я вот всю ночь не спала, все ходила по комнатам – думала: как это осмелилась я говорить с ним? Знаете что? Была у меня все-таки мысль: деньгами привлеку! Кто против больших денег устоять может? – думаю... А он не соблазнился...

Елена. Забудьте это... (Лиза медленно идет.) Ты что, Лиза?

Лиза (тоскливо). Бориса Николаевича нет?

Елена. Нет еще... не приходил...

Лиза. Нет... (Уходит в комнаты.)

Мелания. Не поздоровалась со мной... и какая бледная!

Елена. Вчера припадок был...

Мелания. Опять? Бедняга... Вы говорите, что-бы я забыла, – нет, не забуду! Не надо забывать: забуду, снова выкину что-нибудь эдакое же... Родная вы моя! Ах, и подлая я бабенка! Нахальная, испорченная... мыслей у меня немного, и все они – не прямые, а так, как червяки, – во все стороны виляют... И не хочу я этих мыслей, не хочу!.. Я хочу быть честной... надо мне честной быть... а то я столько зла могу сделать...

Елена. Хотите, – значит, будете! Какой тяжелой, уродливой жизнью жили вы... Вам надо отдохнуть, забыть о прошлом...

Мелания. Мне было тяжело... Бог это знает! Как били меня... но не бока, не щеки я жалею, – душу жалко! Душу исковеркали мне... сердце мое выпачкали... Верить в хорошее – трудно мне, а без этой веры – какая жизнь? Вон – Борис надо всем смеется, ни во что не верит... что же он? как пес бездомный... Вот вы тогда сразу поверили мне. Удивилась я... Обманывает, думаю... А вы приласкали, разъяснили мне меня...

Елена. Будет, хорошая моя...

Мелания. И как вы хорошо, просто как... Верно – не я, баба, люблю его, а я, человек... Человека-то я в себе и не чувствовала... в человека я не верила...

Елена. Как я рада, что вы поняли это!

Мелания. Сразу поняла. А все-таки дай, мол, попробую, может, и куплю себе забавного барина в мужья? Ведь вот подлая!

Елена. Не говорите так о себе... Надо уважать себя, – без этого нельзя жить... Мне приласкать вас хочется...

Мелания. Да, приласкайте! Подайте милостыньку Христа ради богатой бабе-торговке...

Елена. Не надо так, не надо! И – не плачьте...

Мелания. Ничего, пускай душа омоется... Елена Николаевна, приютите вы меня... Научите вы меня чему-нибудь доброму, хорошему... Вы – умная, вы можете... (Лиза идет.) Лизавета Федоровна, здравствуйте!

Лиза (молча подает руку). Он еще не пришел, Елена?

Елена. Нет. Что с тобой?..

Лиза. Нет?

Елена. Тебе нехорошо?

Лиза. Нет... так, тоска... Нет! (Идет в сад.)

Мелания. Кого она ждет?

Елена. Бориса Николаевича... Вы знаете: они жених и невеста...

Мелания. Вот – господи! Значит, я – родня Павлу-то Федоровичу буду? И – вам? Ах, Борис... Лиза-то... милая! Я пойду к ней, – можно?

Елена. Пожалуйста...

Мелания (оживленно, радостно). Нет, как все устраивается! Что-то уж очень хорошо... Дайте – я вас поцелую... (Антоновна выходит.) Пойду к ней, в сад... Здравствуй, няня, здравствуй, милая... (Идет.)

Антоновна. Здравствуйте... Чего же эта лошадь, новая-то горничная, не убирает со стола?.. Взяли горничную из конторы... надо самим нанимать, а не через контору.

Елена (берет ее за плечи). Не ворчите, няня, сегодня такой светлый день...

Антоновна. Летом и должны быть теплые дни... а порядку – всегда время... Она вон, эта новая-то, как села давеча чай пить, так одна целый самовар и выхлебала... совсем как лошадь!

(Вагин идет.)

Елена. Вам жалко воды...

Антоновна. Воды мне не жалко... А вот сахар она грызет, как репу... да... (Идет в комнаты, захватив что-то со стола.)

Елена. А, здравствуйте, рыцарь...

Вагин (смуцен). А руку поцеловать можно?

Елена. Почему же нельзя?

Вагин (вздыхая). Да так уж...

Елена. Как вы вздыхаете... О, страдалец...

Вагин (задет). Смотрю я на вас... и знаете, что мне приходит в голову?

Елена. Это – интересно... Что же?

Вагин. Вы пользовались мной для того, чтоб Павел обратил на вас свое милостивое внимание... Это ловко сделано!

Елена. Рыцарь! Какой тон... "Вы пользовались мной..." что это? "Ловко сделано".

Вагин (с горечью). Вы дали мне урок, как мальчишке...

Елена (серьезно). Дмитрий Сергеевич... я не люблю слушать вздора...

Вагин (задумчиво и просто). Я чувствую, что сыграл какую-то... не очень умную роль... и это меня обижает... И вообще я плохо себя чувствую... после вчерашнего разговора... как-то голова не в порядке... Елена Николаевна, скажите мне правду...

Елена. Разве нужно просить меня об этом?

Вагин. Мне хочется спросить вас: вы никогда не увлекались мной?..

Елена. Как мужчиной – никогда! Как человека – я вас люблю серьезно и глубоко...

Вагин (усмехаясь). Это, должно быть, лестно мне? Не понимаю я людей... не понимаю!.. А вот я люблю всю вас... всю сразу! Вчера я почувствовал и понял, что женщина и человек так тесно спаяны, так неразрывно слиты в одно красивое, круглое целое... что мне и стыдно стало и жалко себя... И вчера я вас полюбил...

Елена (с досадой). Снова то же... зачем?

Вагин (просто и настойчиво). Да, полюбил! На всю жизнь... и ничего я у вас не прошу... Вероятно, я – женюсь и прочее там... по положению, а любить буду вас... всегда! И достаточно об этом... надоел я вам, да?

Елена (протягивает ему руку). Я верю вам... Мне кажется, вы говорите правду...

Вагин. А раньше – никогда не чувствовали этой правды в моих словах нет?

Елена (мягко улыбаясь). Нет, никогда. Ведь как это случилось? Однажды, не сдержав себя, я вам пожаловалась на свое одиночество... Вы так прекрасно, просто отнеслись ко мне... так чисто! У меня явилось большое, горячее чувство благодарности вам, а вы тогда – заметьте! – тогда лишь только! – заговорили о любви...

Вагин (вдумываясь). Тогда лишь?.. Вас это... оскорбило?

Елена (улыбаясь). Не знаю... может быть, немного...

Вагин (с досадой и грустью). Нет, я... не гениален, мягко говоря! Я глуп... не понимаю я людей!

Елена. Оставим это... а? и будемте хорошими друзьями!..

Вагин (усмехаясь). По рукам! Что ж?

Елена. Дайте вашу голову... (целует его в лоб.) Будьте свободны: для художника свобода так же необходима, как талант и ум... Будьте правдивы... и не смотрите на женщин так плохо...

Вагин (тронут, но сдерживается). Дорогая моя, последнего не нужно бы говорить... Спасибо вам! Вы верно говорите – художник должен быть одинок... Свобода – ведь это одиночество, – не так ли?

Елена. Да... вероятно, так, мой друг...

Вагин. Павел идет... слышу его нелепые шаги... (Протасов входит.) Здравствуй, ты... соперник...

Протасов. А Мелания Николаевна ушла?

Елена. Она в саду с Лизой... позвать ее?

Протасов. Не финти, Ленка! Ты вон – взгляни: наша новая горничная собирает мыло есть... Я попросил ее развернуть кусок, а она сорвала бумажки, спрятала их в карман и потом – лизнула языком мыло...

Елена. Что такое? (Идет в комнаты.)

Вагин. Оставь ее... пусть каждый наслаждается, как может... А я тут снова объяснялся в любви Елене Николаевне...

Протасов (тревожно). Гм... Тебе, по-моему, уехать надо... Дмитрий... уехать! и все пройдет...

Вагин. Я и уеду... хоть знаю – не пройдет! Но ты не беспокойся...

Протасов. Я – ничего... Только – неловко как-то...

Вагин. Счастливым быть неловко? Это, вероятно, делает тебе честь... хотя это и глупо...

Протасов. Ты не сердись на меня, Дмитрий... Ведь это... Лена! Я не виноват... Что ж, если она меня любит, а не тебя...

Вагин (усмехаясь). О... как мило!

Протасов. Нет, Дмитрий, ты меня вчера ужасно подавил... ты лучше меня... да, да! Я – какая-то планета с неопределенной орбитой... вращаюсь около себя, куда-то лечу и – баста! А ты – вокруг солнца... ты в гармонии системы:

(Лиза идет из сада, за ней – Мелания. Елена – из комнат.)

Вагин. Ну, как я там вращаюсь, это мне неизвестно... А тебе я советую вращаться около жены... не теряй ее из виду...

Протасов. Как все-таки хороши люди!

Лиза (тоскливо). Нет еще?

Елена. Нет, дорогая моя... послать за ним?

Лиза. Не надо... нет... (Уходит в комнаты.)

Мелания (тихо и тревожно). Господа! Она как будто заговаривается... говорит все о степях, о пустынях...

Лиза (из комнат). Мелания Николаевна... где же вы?

Мелания (убегая). Иду, иду...

Елена. Павел, она меня серьезно беспокоит... нужно позвать доктора...

Протасов. Ну, что же... я поеду...

Антоновна (выходит). Вам, Дмитрий Сергеевич, письмо.

Вагин. Откуда?

Антоновна. С квартиры... немедленно чтобы...

(Уходит.)

Вагин. Ну, что такое? (Рвет конверт, читает. Сильно поражен.) Черт побери! Господа... Чепурной... слушайте!

Елена. Тише, тише, – Лиза... Что такое?

Вагин (подавленно). Уходя от вас вчера, он смеялся... шутил... честное слово! А теперь – вот... (Читает – невольно с малороссийским акцентом и подражая голосу Чепурного.) "А вот вам еще анекдот: ветеринар, и удавился... Тоже захотел поддержать честь корпорации, как тот англичанин. Спасибо вам за складку, приятно все же знать, что от тебя хоть какая-то морщина где-то осталась. Обращайте больше внимания на красоту галстука, это важно... Чепурной".

Протасов. Да это несерьезно же!

Елена. Тише! Какой анекдот? Что это? Может быть, шутка?

Вагин. Нет... едва ли... Он смеялся, черт возьми...

Лиза (быстро выходит, оглядывает всех). Пришел? Где он?

Елена. Он не приходил...

Лиза. А голос? Его голос?... Я слышала, он говорил сейчас... Что вы молчите? Где он?

Вагин. Это я... я говорил...

Лиза. Нет. Нет! Его голос...

Вагин. Я подражал ему... передразнивал...

Лиза. Зачем?

Вагин. Так...

Протасов. Видишь ли, мы тут болтали... вдруг...

Лиза. Что? Что вдруг?

Елена. Успокойся, Лиза...

Вагин. Я вспомнил его манеру говорить и сказал несколько фраз его голосом...

Лиза. Да? Это вы правду сказали? А почему они молчат? Павел, ты что? Что-то случилось, да? Милый Павел, ты не умеешь лгать... да? Что?

(Вагин незаметно уходит в комнаты.)

Протасов. Нет, Лиза... дело в том, видишь ли... это правда... то есть говорил Дмитрий...

Елена. Послушай, Лиза, милая...

Лиза. Елена, не трогай меня... Павел, ты должен мне сказать...

Протасов. Я ничего не знаю...

Лиза. Что нужно знать? Елена, пошли за ним... за Борисом... сейчас же!

Елена. Да, да, сейчас же! Успокойся...

Лиза. Нет, вы что-то лжете... А где Вагин? Он говорит с его сестрой... и у нее лицо... лицо...

Протасов (тихо, жене). Что делать?

Елена (тихо). Доктора... скорее...

Лиза. Я упаду... Держи меня, Елена... я упаду... Вы о чем шептались?

Елена. Как успокоить тебя... Павел...

Лиза. Куда он побежал? Елена, ради бога! Смотри мне в глаза... не лги, Елена, я умоляю... (Мелания из комнат, за ней – Вагин.) Куда вы? Где он, ваш брат? Борис?

Мелания. Я не знаю...

Лиза. Ну, сразу... говорите сразу, сразу – умер?

Мелания. Не знаю... не знаю я... (Идет к воротам.)

Лиза. Нет! Нет! Нет же! Да скажите мне что-нибудь... ведь у меня сердце разрывается! Ведь если он умер, это я, я его убила... о нет!

Вагин. Позвольте, что за мысль...

Миша (бежит к террасе и с оживлением, близким к радости, кричит). Господа! Вы знаете: ветеринар Чепурной...

Вагин (грозя кулаком). Молчать, вы!..

Миша. ...повесился!

Лиза (вырывается из рук Елены и спокойно, внятно). Вчера вечером, около девяти?..

Миша. Да, да... на раките, у речки... А я думал, вы не знаете... (Уходит.)

Лиза (широко открыв глаза, смотрит на всех и негромко, со странной важностью в голосе). Я это знала: помнишь, Елена? Я это чувствовала... (Тихо, с ужасом.) Нет! Нет! Ведь это не я... скажите, что не я убила... нет! (Кричит.) Я не хотела... нет!

(Вагин и Елена берут ее на руки и несут в комнаты. Она бьется и, все учащая темп, кричит только одно слово: "нет". Из-за угла террасы, не торопясь, выходит Роман и заглядывает в комнаты. Оттуда выбегает Луша, испуганная.)

Луша. Послушай... как тебя? Рязанский... чего это они делают?

Роман. А чего?

Луша. Тащат барышню-то, а она говорит – нет!

Роман. Это она кричала?

Луша. Она... а они ее и потащили... боюсь я!..

Роман (философски). Чего ж она кричит?

Луша. Не знаю я... Вот так господа!

Роман. Кричать-то, пожалуй, не надо бы... не велят это...

Миша (поспешно является из-за угла). Кто это кричал?

Роман (кивая головой на Лушу). Вот у них:

Луша (отмахиваясь). Чего ты на меня? Это – у господ...

Миша (строго). Кто кричал?

Луша. Барышня.

Миша (присматриваясь к ней). Отчего?

Луша. Они ее тащили...

Миша. Кто?

Луша. Они... которые... там...

Миша (хлопая ее по плечу). Эх ты... колода дубовая!

(Идет на террасу, Антоновна навстречу.) Что у вас случилось, няня?

Антоновна. Припадок, с барышней...

Миша (Роману и Луше). Вот видите, черти! (Роман медленно отходит к изгороди сада и там снова начинает возиться). Отчего это, няня, а?

Антоновна. От господ... всё от него!

Миша (коварно улыбаясь). А может быть, от ветеринара? (Удовлетворенный, исчезает. Антоновна укоризненно смотрит на него и, вздохнув, говорит с сожалением.)

Антоновна. Дурачок... Лукерья, - ты чего же тут делаешь? Иди в комнаты...

Луша. Нянька, - это какой припадок-то? Черная немочь, что ли?

Антоновна. Да, да! А ты - иди...

Луша (идет). Ну, черная-то немочь - ничего! Я видела... А напугалась я, как потащили барышню-то...

(Роман что-то мычит. Вагин выходит из комнат, нахмуренный. Прохаживается по террасе, поглядывая на Романа. Вынимает альбом, карандаш.)

Вагин. Эй, дядя!

Роман. Это я?

Вагин. Ты. Постой так...

Роман. Для чего?

Вагин (рисует). А вот... я тебя нарисую...

Роман. Ишь ты... Порчи мне от этого не будет?

Вагин. Двугривенный будет.

Роман. Ну, это ничего...

Вагин. Голову выше подними...

Роман (задирая голову). Можно...

Вагин. Ниже... куда ты?

Роман. Али хорош показался?

Вагин (сквозь зубы). Недурен...

(Пауза. Из комнат порою доносится стонущий, звук. Где-то далеко на улице - смутный шум. Идет Мелания.)

Вагин. Ну? Что?

Мелания (глухо). Видела... Страшный... синий... Язык высунул и... точно насмеяется... страшен! Как Лиза-то?

Вагин (угрюмо). Вот - слышите?

Мелания. Что это началось? Так хорошо было...

Вагин. Почему именно – началось?

Мелания. Не знаю... Ничего не понимаю... только – страшно... А вы рисуете? Как это вы можете?

Вагин (не грубо). А вы – дышите? Не дышать – не умеете?... Ну, ладно, дядя... получи двугривенный! (Бросает деньги к ногам Романа.)

Мелания. Елена Николаевна одна там? Пойду к ней, может, понадобится... О господи... Надо хоронить Бориса и всё... а я ни о чем не распорядилась... взглянула на него и поехала сюда... На улицах народ чего-то шумит, бежит, суетится... а я ничего не понимаю... качается пред глазами синее лицо его, и язык мне показывает... смеется все!

(Плачет и идет в комнаты.)

Роман (с удовольствием). Гляди – барыня-то... заплакала. Чего она?

Вагин. Брат помер...

Роман. А-а! Ишь ты... Это – ничего... причина! А то бабы много зря плачут... Дашь ей по затылку, а она и ревет... (Шум на улице становится яснее. Глухие крики. Где-то на дворе раздается пугливый крик Миши: "Роман!") Подождешь... (Прислушивается.) Пожар, видно... а может, бьют кого... Видно – вора... Тоже и вору тяжело бывает... Пойти взглянуть...

(Елена выходит. Вагин вопросительно смотрит на нее.)

Елена (очень взволнована). Едва ли она поправится...

Вагин. Ну... полноте! Разве это впервые у нее?

Елена. Это – впервые. У нее явилась хитрость безумных... Сначала она просила дать ей яду... потом, – как-то странно вдруг стала спокойнее... а в глазах ее загорелся хитрый огонек зверя...

Вагин. Дать вам воды?

Елена. Нет... Легла... Сказала мне, что я раздражаю ее... я вышла в соседнюю комнату... вдруг слышу – она тихо, тихо встала... идет... идет к столу Павла... а там, в ящике, лежал револьвер... вот он! Я боролась с ней... она царапала мне руки... как зверь... она была как зверь...

Вагин. Черт возьми... и вы не позвали меня... не крикнули!..

Елена. Не понимаю... как мы не застрелили друг друга... Теперь – она лежит... ее связали... Мне помогала горничная... а няня – смотрела и плакала... и умоляла не трогать Лизу... потому что она дочь генерала... Какой шум... почему это шумят? Где-то близко...

Вагин. Дворник пошел узнать, что это...

Елена. А Павла все еще нет? Что это?

(У ворот дома – возня. Раздаются крики: "держи его!" – "Ага-а!" "через забор..." – "Берегись, ребята..." – "Ты палкой?" – "Бей его!")

Елена (тревожно). Боже мой... идемте туда!

Вагин. Я – один...

(Из-за угла дома к террасе бросается доктор, растрепанный, без шляпы.)

Доктор. Спрячьте меня... закройте двери.

Елена. Доктор... что с вами?

Доктор. Бьют... разбили барак... бьют... за воротами поймали... убьют...

(Вагин бросается к воротам.)

Елена. Возьмите револьвер...

Доктор. Они вломятся и меня...

Елена (ведет его в комнаты). Идите сюда: скорее! Няня... няня!..

(У ворот – громкий треск, сломал доску, хлопает калитка, звенит разбитое стекло. Выскакивает Протасов, на него лезет человек десять каких-то людей, он отмахивается от них шляпой и носовым платком. Это их забавляет, и некоторые из них – смеются.)

Протасов. Вы – ослы! Идиоты... прочь!

Первый (из толпы). Ты меня платочком по морде...

Второй. Барин! Дай ему шляпой еще...

Третий (злобно). Я те покажу, как ругаться...

Второй. Где доктор? Ищи его, ребята...

Третий. И это доктор... чего там?

Вагин (где-то за углом). Запирай ворота... Дворник, гони их!

Протасов. Не смей меня толкать, дурак!

Вагин. Павел... Павел!.. Стойте! Буду бить... вон все!

(Являются Егор и Яков Трошин. Егор немного выпивши, Трошин – пьян сильно. Егор бросается на Протасова и хватает его за ворот.)

Егор. Ага... химик! Попался?

Протасов (отталкивая). Не смей...

Егор. Ребята! Главный морила... Лекарства делает!

Протасов. Врешь, болван! Я ничего не делаю... Ко мне! На помощь! Голос из толпы. Кричи громче... не слышат! (На террасу выбегает Елена, видит свалку, выхватывает револьвер, бросается к мужу.)

Елена. Егор, пустите! Прочь, Егор...

Протасов. Лена... Лена!..

Егор. А – помнишь? Холера, значит, умирай? Помнишь, как ты...

Елена. Я вас убью...

(С появлением Елены в толпе раздаются несколько громких возгласов: "Гляди, какая выскочила!" – "Эх, ты, с пистолетом!" – "Дай ей!" "Сунься-ка..." – "Ишь, какая!")

Егор. Барыня... я – овдовел...

Елена. Буду стрелять!

Егор. И ты вдова будешь... удушю его!

(Елена стреляет... Немного раньше сзади толпы, окружавшей

Егора, является Роман. В руках у него большой осколок доски. Не торопясь, он

Дети солнца. Максим Горький gorkiytext.ru
взмахивает ею и бьет по головам людей. Делает он это молча, сосредоточенно, без раздражения. В момент, когда

Елена стреляет в Егора, Роман бьет его, и Егор, охнув, падает, увлекая за собой Протасова. Елена идет на толпу, угрожая револьвером. После ее выстрела в толпе резкий поворот настроения. Кто-то удивленно и негромко восклицает: "Выстрелила!.." – "Гляди – упал..." – "Ах, собака..." Кто-то бежит со двора и орет: "Ребята, убивают!" Другой спешит за ним, крича: "Не трусь... чего испугался? Баба ведь..." Отступают почти все.)

Елена (в самозабвении). Прочь!.. Буду стрелять... Дмитрий, где вы? Роман... помогите мужу! Прочь!.. Звери!..

(Роман подходит к Трошину, который сидит на земле около Егора, что-то бормочет, тормозит его и бьет Трошина доской. Тот мычит и падает. Вбегает из-за угла Вагин, сильно потрепанный, видит подвиг Романа.)

Вагин (в руке у него кирпич). Что ты, черт, делаешь?

Роман. А чего?

Вагин (к толпе). Елена... где Павел?

(Роман бросил доску и присел на корточки около Протасова.)

Елена (приходя в себя). Его... он: упал... (Кричит.) Он убит!

Вагин. Не может быть...

Мелания (бежит, слышит крик Елены). Кто убит? Врете...

Елена (направляя револьвер на Егора). Это вот он... я его...

Вагин (выбивает револьвер). Что вы? Опомнитесь!

Мелания (около Протасова). Он живой. Павел Федорович!..

Елена. Воды... дайте воды!

Вагин. (Мелании). Идите... воды дайте! Елена, успокойтесь...

(Мелания бежит в комнаты.)

Роман. Ничего... все живы... видишь, шевелятся... Так ли бьют людей... и то живы остаются!

(Вагин и Елена поднимают Павла. Он в обмороке. Роман тормозит Трошина.)

Елена (со страхом). Павел... Павел!..

Вагин. Это обморок...

Роман. Ну, вставай... не балуй! А то я и еще дам...

Антоновна (бежит). Пашенька! Где Пашенька?..

Вагин. Не кричите, няня...

Протасов (полусознательно). Лена... ты? Они убежали?.. Ага...

Антоновна (Елене). Убили... не доглядели... что?

Елена (мужу). Тебе больно? Где больно?..

(Егор очнулся, поднимает голову, охает.)

Антоновна. Берите его... несите его...

Мелания (несет воду). Очнулся: Господи! Пейте... пейте!

Елена. Скажи – где больно? Тебя сильно ударили?

Протасов. Мне... нигде не больно... Он меня душил... этот вот... (Приходит в себя.) Лена, ты... ничего? Мне показалось, тебя ударили по голове... доской какой-то, сверху так...

Елена. Нет, нет... ты успокойся...

Вагин. А тебя: били?

Протасов. Нет... не больно... Они почему-то всё в живот меня, черт их возьми... А доктор? Он... жив?

Мелания. Жив, жив... Он – в гостиной на диване... плачет...

Елена (заметив Антоновну, со страхом). Няня... а Лиза?

Антоновна. Развязала я ее... не могу я это видеть...

Елена. Где она? Где?..

Антоновна (со слезами). Там... Платье все разорвано было... Передела я ее...

Вагин. Что она делает?

Антоновна. На карточку смотрит, на его...

Елена. Идите к ней, няня... прошу вас, идите!

Антоновна. Пашеньку-то уложить бы... (Идет, оглядываясь.)

Протасов. Ничего, старуха... Просто испугался я...

Мелания. Голубчик вы мой... избili вас!

(Егор, Трошин и Роман – составляют другую группу. Роман несколько более оживлен и подвижен, чем всегда.)

Протасов. Меня? Нисколько! Я за нее испугался... мне показалось, кто-то выстрелил... и потом – палкой по голове... или доской...

Елена (с гордостью). Меня никто не коснулся: Идем в комнаты...

Протасов. Я очень успешно защищался, – жалко, что ты не видала этого! И, знаешь, Лена, напрасно я давеча снял галоши... я бы их галошами!

Вагин (с улыбкой, Елене). Вы видите, он совершенно здоров...

Протасов (горячится). Галошами, по глупым рожам... (Егору.) Вы, милостивый государь...

Мелания. Ну, что с ним говорить? Идите, лечь вам надо...

Протасов. Позвольте...

Елена. Подожди... Егор, я попала в вас?

Егор (глухо). Нет... не попало... По голове меня кто-то...

Роман (с гордостью). Это я!

(Елена с напряжением на лице смотрит на Егора и на всех.)

Вагин. Если б ты видел, как действовала вот эта мрачная машина... ужас!

Трошин. Милостивые государи! Я тоже... контужен в голову...

Роман (счастливо). И тебя я ударил...

Трошин. Господа... прошу запомнить это...

Елена (пристально всматриваясь в лица Егора). Вам дать воды, Егор?..

Егор. Водки бы...

Протасов (Егору). Вы... ужасно глупы, сударь мой...

Елена. Оставь, Павел...

Протасов. Я никаких лекарств не делаю, черт вас возьми!

Вагин. Ну, перестань же...

Протасов (со слезами, в голосе). Нет, подожди! Я хочу знать, за что он на меня бросился? Что я вам сделал, Егор? Что?

Егор (глухо). Ничего... не знаю я...

Мелания. Вот на суде узнаешь... мой друг... там тебе расскажут!

Протасов (с досадой). Ах, не надо! Какой суд? Я так высоко ценил вас, Егор... вы - прекрасно работаете... да! Но ведь я хорошо платил вам? За что же вы...

Егор (встает, глухо и со злобой). Не тронь меня, барин...

Елена (твердо и настойчиво). Оставь его в покое, Павел... прошу тебя!

Вагин (Егору). Вы ушли бы...

Егор (грубо). Знаю... Уйду... (Уходит нетвердыми шагами. Роман и Трошин уже перешли к изгороди сада, сидят там на земле и пьют водку, принесенную Романом. Егор молча подходит к ним, садится и протягивает Роману руку.)

Мелания. Смотрите, какой... зверь!

Елена. Не трогайте его... Идем, Павел...

Протасов (волнуясь). Нет, он возмутил меня... В нем есть что-то... отталкивающее... Люди должны быть светлыми и яркими... как солнце...

(На террасу выходит Лиза. На ней надето белое платье. Она красиво и странно причесана. Идет медленно, какой-то торжественной поступью; на ее лице застыла неясная, загадочная улыбка. Сзади ее Антоновна.)

Лиза. Прощайте! Нет, не говорите ничего... Я решила... я уйду!.. Нет, нет, не надо возражений... Я уйду далеко и надолго... навсегда. Вы знаете? Вот:

(Она останавливается и негромко, с улыбкой читает написанное на обороте фотографической карточки Чепурного.)

Милый мой идет среди пустыни

В знойном море красного песка...

Знаю я, в дали туманно-синей

Ждет его пустыня и тоска...

Солнце, точно чье-то злое око,

Молча смотрит с неба жгучим взглядом...

Я приду и встану с милым рядом

Дети солнца. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Трудно ему там и одиноко!..

(Напевает какой-то странный, унылый мотив. Тихо.)

Мой милый – строен и высок,

А я – красива и легка,

И оба мы, как два цветка,

На красный брошены песок...

(Молчит. Вздохнув, читает снова.)

И вдвоем, объята жгучим зноем,

Мы пойдем далеко по песку,

И в пустыне мертвой мы зароем

Он – свои мечты... а я – тоску...

(Задумчиво смотрит на всех. Улыбается.) Вот и всё. Это я – для Бориса... Вы его знаете, Бориса?.. Нет? (Идет в сад.) Мне очень жаль вас... мне очень жалко...

(Антоновна, недружелюбно взглянув на Елену, идет за ней.)

Елена (тоскливо и тихо). Павел... Павел... ты понимаешь?

Протасов (удивлен). Как это хорошо, Лена! Дмитрий, ты понял? Как это хорошо!

Вагин (жестко). А ты понял, что она сошла с ума?..

Протасов (не верит). Разве, Лена?

Елена (негромко). Идем... идем за ней...

(Все трое идут в сад. У изгороди сидит Егор и с угрюмой ненавистью в глазах следит за ними. Трошин что-то невнятно бормочет, щупая голову и плечо дрожащими руками.)

Роман. Ничего... Меня не так били... а я – вот он!.. Стало быть, молчи... Жив, и – ладно...

Вагин (задумчиво). Один... среди пустыни... В знойном море красного песка...

Занавес

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!